

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ДІАВЛО

ТРИЛОГИЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЛЖЕПРОРОК

РИЧАРД А. КНААК

Л Е Г Е Н Д Ы Б Л И З З А Р Д

Diablo

Ричард Кнаак
Лжепророк

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Кнаак Р. А.

Лжепророк / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ»,
2007 — (Diablo)

ISBN 978-5-17-135534-0

От начала времен небесное ангельское воинство и орды демонов из глубин Преисподней ведут нескончаемое сражение за будущее всего сущего. Ныне это сражение развернулось и в Санктуарии – мире людей. Преисполненные решимости склонить человечество на свою сторону, силы добра и зла ведут тайную войну за души смертных. Это история Войны Греха – конфликта, который навсегда изменит судьбу рода людского. Детище владык Преисподней, Церковь Трех пала. Теперь путь к освобождению рода людского Ульдиссиану преграждает лишь Собор Света, возглавляемый покорившим сердца многих Пророком. Однако на самом деле Пророк – не кто иной, как ангел-отступник Инарий, полагающий сотворенный им мир бесспорным своим достоянием. Перед лицом коварного врага, готового скорее уничтожить Санктуарий, чем выпустить его из рук, Ульдиссиан не замечает других претендентов, стремящихся к власти над его миром. Теперь о существовании Санктуария известно и Преисподней, и Небесам... и непримиримые воинства демонов и ангелов не остановятся ни перед чем, дабы завладеть им.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-135534-0

© Кнаак Р. А., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	35
Глава пятая	44
Глава шестая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ричард Кнаак

Diablo: Трилогия Войны Греха.

Книга третья: Лжепророк

Richard A. Knaak

Diablo: The Sin War. Book Three. The Veiled Prophet

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

The Sin War Book Three. The Veiled Prophet, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

* * *

*Настоящим героям — всем моим читателям, служащим в
Вооруженных Силах.*

Пролог

...Итак, после уничтожения главного храма Церкви Трех, после исчезновения ее главы, Ульдиссиан, сын Диомеда, и его эдиремы двинулись по миру, очищая землю от прочих следов сей нечестивой секты. Ярче яркого пылало на их пути пламя праведного возмездия, истребляя все, что осталось от Культа Трех.

Однако Собор Света по-прежнему сохранял силу и власть, и пустоту, возникшую там, где некогда проповедовали приверженцы Трех, не преминули заполнить посланцы Пророка. Нет, вступать с эдиремами в противоборство они даже не помышляли, но неизменно следовали за ними, помогая местным жителям отстроиться заново, а заодно предлагая и утешение.

На подобные вещи, столь обыденные и заурядные, Ульдиссиан закрывал глаза, ибо полностью сосредоточился на собственных крепнущих силах, уверенный в том, что Собору не выстоять против борющихся за правое дело. Сражаясь с фанатиками и демонами, он не понимал, к чему исподволь стремится ангел Инарий, известный людям в образе юного красавца, духовного вождя Собора Света. О помощи в низвержении Церкви Трех, оказанной ангелом Ульдиссиану, не ведали даже дракон Траг'Ул и отрекшийся от Инария сын, нефалем по имени Ратма.

Но если таков был их грех, не менее грешен оказался и сам Инарий, не заметивший, что о борьбе за душу мира, именуемого Санктуарием, стало известно кое-кому еще... а между тем эти «кое-кто» вполне могли пожелать забрать добычу себе, либо взять да уничтожить все без остатка.

И, разумеется, никто на всем белом свете – ни таинственный лже-Пророк, ни даже сам Ульдиссиан – еще не понимал, во что медленно, но неуклонно превращается старший из сыновей Диомеда...

Из «Книг Калана»

том двенадцатый, лист первый

Глава первая

Под пронзительный визг человека посреди пентаграммы Зорун Цин сотворил новое заклинание, при помощи коего искусно избавил тело пытаемого от очередного лоскута кожи. Лоскут – ровно три на три дюйма – сам собой, без малейшей заминки, свернулся в трубочку, оставляя на обнаженном теле кровоточащую рану, являя взору мускулы и сухожилия. Ручейки крови, потекшие вниз, смешались с алыми лужицами, во множестве украшавшими каменный пол.

Сухопарого, бородатого мага кровавые кляксы на каменных плитах ничуть не волновали. Кровь эта будет собрана позже, для прочих надобностей, никак не касающихся насущных материй, интересующих темнокожего кеджани в данный момент. Подумать только: Совет Кланов сумел прекратить внутренние распри на столь долгий срок, чтоб упросить его выяснить все возможное о заполонившем окрестные земли войске фанатиков, наделенных невероятным могуществом!

Нет, дело состояло вовсе не в том, что этим, как они сами себя именуют, «эдиремам» удалось одолеть могущественную Церковь Трех. Напротив, избавлению от этой влиятельной секты, отнявшей у заклинателей изрядную долю власти, кланы магов были очень и очень рады. Именно Церковь Трех и стала одной из главных причин первых раздоров меж кланами, немедленно сцепившимися друг с дружкой в борьбе за остатки этой власти.

Встревожил кланы настолько, что им наконец-то удалось хоть в чем-то столковаться, простой факт: основную массу эдиремов составляли ничему не обученные простолюдины. Все это были крестьяне, поденщики и так далее, однако ж их предводитель сулил им возможности, коих маги достигали лишь ценой ежедневного кропотливого труда на протяжении большей части отпущенного срока жизни. Вдобавок, их манера использования собственных сил свидетельствовала о беспечности, о безрассудстве, крайне опасном во множестве отношений. Таким образом, эдиремы являли собой источник несомненной угрозы, и угрозу сию надлежало ограничить жесткими рамками.

И кто же справится с этим лучше, чем кланы магов? Уж под их-то строгим надзором эти таинственные силы непременно будут должным образом изучены и использованы.

– Итак, повторяю, – проскрежетал Зорун. – Ты видел, как пришлые до основания, голыми руками, разрушили храм! Какие слова они при том произносили? Какими жестами сопровождали их?

– Н-не знаю! – завопил пленник. – К-клянусь, не знаю!

Человек этот был лыс, как колено, но телом, несмотря на допрос, еще крепок. Некогда он служил в храмовой страже и оказался одним из немногих счастливых, ускользнувших из лап фанатиков. Дабы выследить хотя бы этого типа, Зоруну пришлось потратить не одну неделю – так глубоко уцелевшие церковники забились по норам.

– К-клянусь: так и было! Они... ничего такого не делали!

Мановением руки кеджани велел лоскуту кожи окончательно отделиться от тела. Пленник вновь испустил страдальческий вопль. С нетерпением дождавшись, пока крик не утихнет, перепоясанный оранжевым кушаком маг заговорил снова.

– Напрасно ты полагаешь, что я поверю, будто они способны добиться цели, всего-навсего повелев желаемому совершиться. Магия действует совершенно иначе. Для этого требуется сосредоточенность, определенные жесты и долгие упражнения.

Но пленник лишь со стоном перевел дух. Нахмурившись, Зорун Цин медленным шагом двинулся вокруг пентаграммы. В восьмистенной комнате, где он с самого утра допрашивал бывшего стража, царил безупречный порядок и чистота. Каждый сосуд, каждый свиток пергамента, каждая вещь, наделенная волшебными свойствами, были разложены по полкам в стро-

гом, раз навсегда заведенном порядке. Порядок и аккуратность Зорун полагал первоочередным залогом успеха в тайных искусствах. Не в пример кое-кому из других магов, он не позволял хламу взять над собою верх, а пыли да паутине – уподобить его святая святых свинарнику.

К безупречности кеджани стремился и во всем, что касалось его самого. Его коричневая, свободная в плечах блуза и складчатые штаны неизменно были дочиста выстираны. Бородку он всегда содержал определенной длины, надлежащим манером остриженной, и даже редющие седины, умащенные маслом, искусно, волосок к волоску, зачесывал на затылок.

Возможно, предпочитаемый Зоруном образ жизни в какой-то степени объяснял его настойчивость в постижении секрета фанатиков. Они несли в мир небрежность, беспорядок, а основой их чародейства, судя по всему, служили чувства, мимолетные прихоти. Правду сказать, когда совет обратился к нему с этим делом, Зорун уже втайне от всех начал вникать в положение. Разумеется, совету он о том не сообщил: иначе ему могли отказать в удовлетворении перечня выдвинутых им встречных требований, не говоря уж об обещании большего в случае успеха.

Нет, никаких «в случае». Успеха Зорун добьется непременно.

– Ты видел предводителя асченийцев, так называемого Ульдиссиана уль-Диомеда. Это правда?

– Д-да! Да! – завопил храмовый страж, едва ли не радуясь возможности ответить хоть на какой-то вопрос. – Видел! Бледный такой! Говорят, из крестьян... происходит!

– Копающийся в земле, – с презрением пробормотал чародей. – Чуть выше животного...

Пленник над пентаграммой невнятно забулькал, возможно, соглашаясь с сим утверждением.

– Говорят, храм разрушил именно он, в одиночку. Ты это видел?

– Н-нет!

Ответ раздосадовал Зоруна пуще прежнего.

– Тогда ты напрасно отнимаешь у меня время.

Небрежный жест – и окровавленный пленник ахнул, сдавленно захрипел, дернулся, пытаясь дотянуться до горла, чудовищно вспухшего вокруг кадыка. Однако если б даже плененному стражу было позволено поднять руки (чего чары мага ему, естественно, не позволяли), то и тогда помешать чарам Зоруна он бы не смог.

Невнятно вскрикнув напоследок, страж разом обмяк, и Зорун, наконец, позволил мертвому телу рухнуть на пол, где оно весьма неопрятным образом распростерлось поверх пентаграммы.

– Терул!

На зов в комнату, волоча на ходу ноги, вошел огромного роста, плечистый кеджани с необычайно крохотной головой, одетый только в простую блузу. Лицо его очень напоминало мордочки небольших обезьянок, почитаемых многими жителями нижних земель как святыня, хотя, на взгляд Зоруна, божественного в них было не более, чем в его слуге. Терул обладал иным достоинством – превосходно, без лишних вопросов, исполнял прямо отданные приказания, за что и был уведен магом из городских трущоб.

Терул вопросительно хрюкнул (подобные звуки вполне заменяли ему речь) и в знак почтения склонил перед хозяином крохотную головку.

– Тело.

В подробности Зоруну вдаваться не требовалось: слуга и без того прекрасно понял, чего от него хотят. Легко, будто перышко, подхватил Терул мертвого стража, не обращая внимания на то, что извозился в крови. Хозяином великан был обучен мыться и чиститься всякий раз по завершении дела.

Все так же волоча ноги, Терул вынес труп в коридор. Сточных туннелей в недрах столичного города, Кеджана, имелось великое множество. Все они в итоге вели к реке за городскими

стенами, а уж там дикие дебри земель, также названных древними Кеджаном, поглотят любые отбросы.

Взглянув на лужу крови и оставленный Терулом кровавый след, Зорун пробормотал заклинание и начертал в воздухе надлежащие знаки. Сколь же безмерное удовлетворение чувствовал он, глядя, как алая жидкость без сучка и задоринки течет к пентаграмме, не оставляя ни капельки на полу! Многие ли из членов совета способны исполнить этакий трюк? Сие заклинание Зорун оттачивал до совершенства на протяжении десяти лет...

Маг недовольно поморщился. Несомненно, этот Ульдиссиан уль-Диомед мог бы проделать то же одним-единственным взглядом.

«Нет, так быть не должно... а если уж должно, подобными силами надлежит обладать мне, а не какому-то глупцу из простонародья!»

Подхватив плащ, Зорун покинул свою святая святых. Теперь ему требовалось кое-кого навестить, дабы разжиться кое-какими вещицами, необходимыми для дальнейших трудов, а это означало довольно щекотливые переговоры, сделки, о которых он отнюдь не желал извещать нанимателей. Секреты любого мага стоят куда дороже обычных монет либо самоцветов. Цена их исчисляется жизнями.

И если замыслы Зоруна сбудутся как задумано, одной из этих жизней станет жизнь асценция по имени Ульдиссиан.

* * *

– Ты должен поговорить с братом, – настаивал Ратма. В его обычно ровном, бесстрастном голосе слышались нотки тревоги. – Чем ярче проявляется его сила, тем беспечнее он становится.

– И что же нового я ему скажу? – пожав плечами, откликнулся Мендельн.

Оба они были разительно схожи, но в то же время совсем не походили один на другого. Ратма превосходил ростом большинство людей. Безупречные черты лица его словно вышли из-под резца искуснейшего ваятеля, необычайную, не свойственную никому из живых бледность кожи особенно ярко подчеркивал черный плащ с капюшоном и черные же одежды.

Мендельн уль-Диомед, не в пример ему, роста был среднего и лицом – куда проще. Родился он в крестьянской семье, хотя сам склонности к земледелию не проявлял. Из-за широкого носа он в сравнении с собеседником казался себе сущим уродом, а его темные волосы рядом с черной как смоль шевелюрой Ратмы словно светлели сами собой.

Однако и поведением, и речью, и даже одеждой они напоминали братьев куда больше, нежели Мендельн с Ульдиссианом. Одевался Мендельн точно так же, как Ратма, а кожа его, хоть и слегка розоватая, была гораздо бледнее типичного цвета – особенно для асценция, которому давным-давно, подобно брату с Серентией, следовало бы пропечься под солнцем до черноты, не хуже жителей нижних земель.

Впрочем, столь близкому сходству Мендельна с Ратмой удивляться не стоило. Ратма выбрал младшего из сыновей Диомеда себе в ученики, и теперь ему первым из смертных предстояло ступить на путь, пройденный сыном ангела и демонессы.

– Он думает, будто поступает весьма целесообразно, – продолжал Мендельн. – Церковь Трех, дескать, вновь пробуждается к жизни, вынуждая его известить всех их присных под корень. И ему, и многим другим это кажется вполне разумным. Тут ему даже я в логике отказать не могу.

Полы плаща Ратмы взвихрились, всколыхнулись, хотя вокруг не чувствовалось ни ветерка. Плащ его нередко казался живым существом, но так ли это, Мендельн ни разу не спрашивал.

– Но из-за всего этого он не замечает затей отца, – напомнил рослый нефалем.

Ратма был Древним, одним из первого поколения рожденных в мире, известном немногим избранным под именем «Санктуарий». Подобно ему, все это поколение являло собою потомство беглецов, оставивших кто Небеса, кто Преисподнюю, отрехшихся от их вечного противостояния и объединившихся в поисках новой жизни.

Новую жизнь они на время обрели в ими же сотворенном мире, надежно укрытом от взоров обеих великих сил. Однако общее дело в итоге привело беглецов к гибели. Близкое знакомство повлекло за собою смешение крови, от коего и родилось на свет поколение Ратмы – то есть, первых людей.

Поначалу новорожденные казались созданиями вполне безобидными, но когда они начали демонстрировать силы – безграничные силы, ничуть не похожие на силы родителей, ангел Инарий, вожак беглецов, объявил их выродками. Лишь с великим трудом несколькими из товарищей удалось удержать его от немедленных действий. В конце концов и он, и прочие беглецы стоворились разойтись, удалиться каждый в свою святая святых, и там тщательно, всесторонне обдумать участь собственных чад.

Вот только одна из них решение уже приняла. Возлюбленная самого Инария, демонесса Лилит, украдкой выследив прочих демонов с ангелами, истребила их поодиночке. Поддавшись безумным амбициям, она сочла себя единственной спасительницей рожденных беглецами детей, а, следовательно, единственной, имеющей право определять их судьбу.

Судьбу, отводящую ей роль повелительницы *всего сущего*.

Вот только Инария она весьма, весьма недооценила. Узнав о вероломстве Лилит, он изгнал демонессу из Санктуария, а затем изменил гигантский кристалл, называемый Камнем Мироздания и сотворенный, дабы укрывать Санктуарий от взоров извне, так, чтоб его воздействие подавляло присущие детям силы, пока они не угаснут настолько, словно никогда не существовали.

Некоторые из поколения Ратмы, из так называемых нефалемов, возмутились... и были сокрушены. Остальные рассеялись, разошлись кто куда, а самому Ратме волей-неволей пришлось скрываться вне границ обитания смертных. За многие сотни лет большая часть ему подобных повымерла, а новые поколения росли, ведать не ведая о том, чего лишены – о принадлежащем им по праву крови.

Но больше уж этому не бывать...

Отвернувшись от Ратмы, Мендельн задумался над услышанным. Разговор их шел в глупине кеджанских джунглей, в изрядном удалении от того места, где необъятное воинство Ульдиссиана устроилось на ночлег. В воздухе веяло запахом дыма, но доносился он не от громадного лагеря – скорее, со стороны Урджани, небольшого городка в половине дня ходу к югу. Туда, к одному из малых храмов, Ульдиссиана привел след нескольких уцелевших жрецов, после чего он и спалил помянутый храм дотла.

– Об ангеле брат помнит прекрасно, – после долгой паузы отвечал Мендельн. – Ничуть не хуже, чем о Лилит.

Невзирая на всю уверенность Инария в собственных силах, из изгнания демонесса ухитрилась вернуться. Отвлеченный проникновением в его мир посланцев Преисподней, ангел не заметил ее неспешных, неприметных манипуляций с Камнем Мироздания. Между тем, манипуляции те вывернули его намерения наизнанку, пробудив внутренние силы во множестве людей, населяющих Санктуарий ныне. Из них-то Лилит и выбрала в качестве собственной пешки Ульдиссиана, подхлестнув его силу при помощи кровопролития и похоти.

В итоге, однако ж, склонить его на свою сторону демонессе не удалось. Ульдиссиан дал ей бой в главном храме, и, хотя ее тела не извлекли из-под громады развалин (что только и осталось от монументального сооружения), все, включая Ратму, были уверены: Лилит наконец-то мертва. Однако в памяти Ульдиссиана, когда-то любившего ее в образе девушки Лилии, демонесса, к несчастью, осталась навеки.

– За это я могу лишь попросить у него прощения. Я знал о коварстве матери не хуже, чем о ханжестве отца... однако многие годы, многие поколения не предпринимал ничего. Только трусливо прятался.

«Трусливо прятался»... такого о Ратме, определенно, сказать было нельзя, но утешать наставника Мендельн не стал. И все же...

– Я непременно еще раз напомню ему о миссионерах, посланцах Собора. Не так давно ты говорил, что они уже изрядным числом стекаются в Урджани, а мы ведь ушли оттуда совсем недавно. Выходит, их послали туда из самого Великого Собора еще до нашего появления?

– И уже не впервые, Мендельн, уже не впервые. Как будто отец узнает, куда двинется Ульдиссиан, прежде него самого.

– Об этом я тоже упомяну.

Но уходить Мендельн пока не спешил. Внезапно он заозирался, оглядел заросли, точно ожидая, что из кустов прямо на них обоих прыгнет какой-нибудь зверь.

– Нет, я его вовсе не прячу, – заметил Ратма, и в голосе его – в кои-то веки – послышалось раздражение. – И вовсе не притворяюсь, а в самом деле не знаю, где сейчас твой друг Ахилий. Мы с Траг'Улом искали его, как могли, но охотник исчез без следа.

– Но ведь это ты поднял его из могилы!

– Я? Я только слегка повлиял на положение дел. Из мертвых Ахилия вернул ты, Мендельн. Способность вернуться ему сообщил твой дар и твоя связь с царством посмертия.

Предпочитая не начинать заново прежнего спора, Мендельн отвернулся и двинулся прочь. Ратма его не окликнул. Судя по обыкновениям наставника, Древний уже растворился в сумраке.

Общих подозрений касательно исчезновения Ахилия не высказал вслух ни один. Как-то раз, в прошлом, за обсуждением такой возможности, Мендельн едва окончательно не пал духом. Что проку изменять мир, если этому миру вскоре настанет конец?

Судьба охотника казалась брату Ульдиссиана слишком уж очевидной. Следов демонов вблизи от последнего известного местонахождения Ахилия Ратма не нашел. Полное отсутствие каких-либо следов могло означать лишь один поворот из двух. Во-первых, Ахилия мог изловить Инарий, дабы каким-то образом воспользоваться им против них, – и если это так, то дела плохи. Но, сколь это ни ужасно – особенно на взгляд Серентии, в сравнении со вторым вариантом развития событий первый выглядел куда предпочтительнее.

Что, если охотник похищен каким-то *другим* ангелом?

Чем это кончится, знали все. В Преисподней о Санктуарии знали уже не одну сотню лет. Демоны Санктуарий не тронули, так как рассчитывали использовать людей для преломления хода вековой войны. Дабы взять под крыло сородичей Мендельна, повелители демонов, Великие Воплощения Зла, создали Церковь Трех. Не сочти Инарий, полагающий Санктуарий со всеми его обитателями своим, сей акт за личное оскорбление – может стать, род людской уже шел бы на битву с сонмами ангелов.

Но теперь, если о существовании Санктуария прознали на Небесах, владыки Небес наверняка развяжут войну за обладание им, или попросту уничтожат, чтоб демонам не достался. То, что при этом погибнут тысячи живых душ, ни одну из сторон не интересует.

«Ахилия необходимо найти, – решил Мендельн, достигнув границы лагеря. – Крайне необходимо, ради всех нас!»

Размышления младшего из Диомедовых сыновей оказались грубо прерваны незримой преградой, внезапно возникшей у него на пути. Потирая ушибленный нос, Мендельн увидел двух человек, появившихся перед ним, точно из ниоткуда – смуглолицего уроженца нижних земель в компании товарища, подобно всем асценийцам, рядом с местными жителями казавшегося бледным, как полотно. В этом втором Мендельн узнал одного из тех, кто убывает числа партизанцев, первых последователей Ульдиссиана. Теперь их осталось вряд ли более

сотни, хотя прежде насчитывалось во много раз больше. Ранее прочих принявшим сторону брата, партизанам, к несчастью, пришлось столкнуться с множеством невероятных опасностей еще до того, как у них появился хоть какой-то шанс по-настоящему войти в силу.

– Ах! Прости нас, мастер Мендельн! – выпалил партинец. – Откуда же нам было знать, что это ты!

Второй эдирем боязливо закивал в знак согласия. Рожденные хоть среди джунглей нижних земель, хоть в лесах земель верхних, почти все Ульдиссиановы ученики относились к Мендельну с почтением и страхом. Страх им внушала стезя Мендельна, прямо касавшаяся смерти и мертвых, ну, а почтение... да, тут уж ему вполне хватало ума понять, что причиной тому – только родство с предводителем.

Как ни странно, с некоторых пор горстка соратников начала приходить к нему для обучения, но их интересом Мендельн не слишком-то обольщался. Все дело лишь в нездоровом любопытстве к некоторым сторонам его дара... по крайней мере, так он объяснял происходящее себе самому.

– Вам вовсе ни к чему извиняться, – сказал он караульным. – Я ведь ушел, никому не сказав ни слова. Вы поступили так, как вам было приказано.

Отворив перед Мендельном путь, караульные с явным облегчением проводили его взглядами, но он сделал вид, будто ничего не заметил.

Казалось, миновав караульных, младший из сыновей Диомеда вошел в некое новое царство: все вокруг разом исполнилось волшебства. Повсюду над необъятным лагерем сияли разноцветные сферы энергий, будто приготовленные к какому-то празднеству. Вот только нити ни одну из них, подобно ярмарочным воздушным шарам, не удерживали: сферы просто парили над головами создателей. Без костров тоже не обошлось, однако костры были разведены не ради освещения – скорее, для приготовления пищи.

Разноцветными шарами дело вовсе не ограничивалось. Чем дальше Мендельн углублялся в толпу, тем чаще взгляд его натывался на самые разные проявления волшебства. Один из смуглолицых уроженцев нижних земель сотворил мерцающий ток магической силы, свивавшийся кольцами подобно змее. Другой эдирем, по соседству, силой мысли удерживал в воздухе множество мелких камешков, порхавших, словно в руках невидимого жонглера. Третья, белокурая партинка, сотворив из ничего копье, с безукоризненной точностью метнула оружие в отдаленное дерево. Вонзившись в ствол, копье задрожало и тут же рассеялось, а метательница немедленно создала себе новое.

То были лишь несколько из бесчисленного множества примеров. Чары, творимые эдиремами, весьма и весьма отличались одни от других и сложностью, и мощностью, но одна мысль о том, что творят их совсем неприметные с виду люди, выходцы из самых разных каст, мастера самых разных ремесел, освоившие нечто, прежде доступное лишь горстке избранных, внушала Мендельну неподдельный восторг... и в то же время нешуточное беспокойство. Простым людям вроде него надлежало всю жизнь добывать себе пропитание тяжелым крестьянским трудом. Становиться могущественными волшебниками им не полагалось.

Вот это его и тревожило – даже при виде некоего изобретательного парнишки, сотворившего для младших братишек с сестренками (да, в Ульдиссиановой «армии» хватало и ребятни) рой разноцветных бабочек, разлетевшихся во все стороны. На поверку множество следующих за братом отличались потрясающим невежеством относительно собственных возможностей. В лучшем случае, дар свой они полагали чем-то вроде орудия труда, сродни той же мотыге, никак не способным ни обернуться против них же самих, ни жестоко изувечить товарища.

«Но, может статься, я к ним слишком строг, – рассудил Мендельн. – Они ведь уже не разбились за то, во что верят, вынужденные истреблять врагов, желающих сделать из них рабов, послушных марионеток».

И все же недобрые предчувствия не унимались. Несмотря ни на что, Мендельн полагал магию предметом, подлежащим вдумчивому изучению и сугубой осторожности, осмотрительности в обращении. На его взгляд, до пользования магией, прежде всего, следовало дорости, проникнуться уважением к таящимся в ней опасностям.

Но вот впереди замерцал неяркий, уютный лазоревый свет. Мендельн замедлил шаг, однако после недолгих колебаний направился к нему. Опасаться его творца Мендельну было незачем: в конце концов, это всего-навсего Ульдиссиан.

Присутствие брата чувствовалось даже здесь, среди немыслимого изобилия магии. Вокруг пятачка, где Ульдиссиан расположился на ночлег, собралась немалая толпа. Эдиремы обступали старшего из Диомедовых сыновей так плотно, что разглядеть его Мендельн не мог, однако мыслью нащупал Ульдиссиана безошибочно, и без колебаний двинулся в толпу. Немедля заметив его, эдиремы принялись расступаться.

Пройдя едва полпути, Мендельн наконец-то увидел Ульдиссиана воочию.

Обладатель светлых, песчано-русых волос, крепко сложенный, выглядел брат в точности как сельский житель, крестьянин, каковым и был от рождения – и, надо сказать, весьма неплохим. Широкоплечий, с квадратной челюстью, поросшей коротко остриженной бородой, старший из братьев отличался своеобразной грубоватой красотой, обаянием, привлекавшим к нему людей. На высокомерных жрецов либо пылких пророков, привычных для многих его последователей, он не походил ни единой чертой. Он был одним из них, из простого народа, так же, как и они, преуспевал и терпел неудачи, а еще пережил тяжелейшую из утрат, потеряв всех родных, кроме Мендельна, во время чумного поветрия. В те времена Ульдиссиан, ища спасения для близких, обращался к одному миссионеру за другим, но помимо пустословия да намеков на пожертвования не получил ничего. Это-то горе и породило в нем неизбывную ненависть к сектам наподобие Церкви Трех и Собора еще до того, как обе затеяли на него охоту.

Сидя на бревнышке, Ульдиссиан что-то истово втолковывал собравшимся. Мендельн, даже не вслушиваясь в его слова, безошибочно понял: брат воодушевляет учеников, а заодно объясняет, что значит следовать его пути. Да, речи его звучали весьма достойно, вот только Мендельнов брат слишком уж часто не следовал собственным наставлениям сам. Казалось, в последнее время Ульдиссиан утратил власть над своей невероятной мощью, и теперь она повелевает им, а не он ею.

Последним примером подобного послужил Урджани. Изначально Ульдиссиан замыслил взять тамошних жрецов живьем, а вовсе не убивать, об истинных повелителях, владыках демонов, их расспросить собирался... Однако когда один из них в отчаянной попытке отсрочить неизбежное ударил по эдиремам – да и удар-то нанес пустяковый, без труда отраженный, Ульдиссиан, охваченный яростью, ударил в ответ.

Останки жрецов, взорвавшихся изнутри, разбросало на дюжину ярдов вокруг, а Ульдиссиан даже глазом не моргнул, будто так и намерен был поступить с самого начала.

– Они служили Трем.

Этим доводом брат обрывал все увещевания Мендельна. В Урджани он с теми же словами велел спалить последний из храмов дотла – чтоб-де о нечестивой секте и памяти никакой не осталось.

И вот теперь тот самый, кто походя разорвал на части разом несколько живых душ и предал огню их храм, сердечным кивком дал приверженцам понять, что пора расходиться. Сияние над ним приугасло, однако по-прежнему оставалось довольно заметным.

После того как все разошлись, рядом осталась только Серентия, дочь торговца по имени Кир, одним из первых павшего жертвой Ульдиссиановых сил. Естественно, в этом старший из братьев был не повинен: постигшие деревню бедствия втайне подстроила все та же Лилит. Синеглазая, черноволосая, Серентия была очень и очень красива. Некогда бледная, кожа ее, подобно Ульдиссиановой, покрылась бронзой загара. В отличие от братьев, носила она сво-

бодные складчатые одежды, на манер жителей нижних земель, ни на минуту не расставалась с любимым копьем, и красоту ее (по крайней мере, на взгляд Мендельна) портила разве что жутковатая целеустремленность во взгляде.

– Мендельн! – Поднявшись, Ульдиссиан приветствовал брата, как будто тот отсутствовал не один день. – Ты где пропадал?

– Там... за пределами.

Радость старшего брата заметно померкла.

– А-а... И кто на сей раз? Дракон, или ее отродье?

Под «нею» имелась в виду демонесса, Лилит.

– Да, Ратма. Насчет отца предостерегал, и...

Окружавший Ульдиссиана лазоревый ореол ярко вспыхнул, заставив случившихся неподалеку вздрогнуть от неожиданности, однако все они поспешили отвести взгляды в сторону.

– Как всегда! Уж не думает ли он, будто я за отцом его совсем не слежу? Чем всякий раз удирать в темноту, нашептав очередных ужасов, Ратма лучше бы с нами пошел – все больше толку!

Ореол сиял ярче и ярче. В сердце Мендельна зашевелилась злость, однако младший из сыновей Диомеда взял себя в руки.

– Ульдиссиан, ты сам знаешь: Ратма рискует не меньше нашего... а за то, что он – сын Лилит, ненавидеть его ни к чему. Он сам сожалеет об этом сильнее, чем ты в силах вообразить.

Лазоревое сияние вновь приугасло. Ульдиссиан шумно перевел дух.

– Да, да... твоя правда. Прости, Мендельн. Последние несколько дней оказались слишком уж длинными, ты не находишь?

– По-моему, дни становятся все длинней и длинней с каждым вздохом.

– Соскучился я по хозяйству, по ферме...

– И я, Ульдиссиан. Даже я.

Тут и Серентия, наконец, подала голос.

– А об Ахилии вестей нет? – шурясь на Мендельна, спросила она.

– Ты же знаешь: были бы хоть какие-то – я бы сразу сказал.

Серентия стукнула оземь древком копья. От места удара по земле разбежались кругами алые волны энергии. Мощью Серентия превосходила всех Ульдиссиановых учеников. Одна беда: сил ей в немалой мере придавала тревога о судьбе охотника, и чем дольше он пропадал неведомо где, тем безогляднее она ими пользовалась. Та же беспечность в последнее время сделалась общей чертой большинства эдиремов, но, кажется, кроме Мендельна, человека среди них относительно постороннего, никто этого не замечал.

– Ахилий найдет возможность вернуться к тебе, – вмешался Ульдиссиан. – Найдет, Серри, не сомневайся.

Однако Серентия его уверенности не разделяла.

– Если б он мог, уже был бы с нами!

– Вот подожди, и сама убедишься.

С этим Ульдиссиан обнял ее за плечи, чем в давние времена вогнал бы дочь Кира в краску. Серентия обожала его с самого детства, а любовь к Ахилию обнаружила в сердце лишь незадолго до того, как их храбрый друг пал в бою с демоном по имени Люцион.

– А за ангелом, – добавил Ульдиссиан, повернувшись к Мендельну, – я, как и сказал, приглядываю в оба, но сам посуди: чем он может нам угрожать? Что может нам противопоставить такого, чего не могла Церковь Трех? Ратма так долго прятался от всех на свете, что теперь ему трудно себе представить...

От края лагеря донесся предостерегающий вопль, а за ним – целый хор злобных криков, и эти новые голоса принадлежали вовсе не эдиремам.

Ульдиссиан, сдвинув брови, поднял взгляд к небу. Казалось, он, скорее, раздосадован, чем удивлен.

– Гости явились, – сообщил он. – Незваные. Много.

– Церковь Трех? – едва ли не с радостью спросила Серентия и подняла копье, словно намереваясь сию же минуту послать его в цель.

– Не знаю, но кто еще это может быть? – откликнулся Ульдиссиан, направляясь на крик. – Ладно. Кем они ни окажись, встретим в точности так же, как всегда встречали гостей из Церкви Трех!

Кирова дочь улыбнулась. Улыбка Серентии живо напомнила Мендельну выражение, нередко появлявшееся на ее лице в дни одержимости демонессой, Лилит. Сорвавшись с места, она поспешила за Ульдиссианом, и оба быстро оставили Мендельна далеко позади.

Сам он не сделал ни шагу, но вовсе не потому, что решил уклониться от боя. Вслушиваясь в шум завязавшейся схватки, Мендельн задумался. Кто мог предпринять это столь же безнадежное, сколь и неожиданное нападение? На Церковь Трех, даже если допустить, что им удалось собрать хоть какие-то силы, вроде бы непохоже... однако больше ему никто, кроме Инария, в голову не приходил. Между тем, настолько примитивного, откровенного акта враждебности со стороны ангела Мендельн представить себе не мог: ведь, по словам Ратмы, отец его всегда действовал, прячась за очевидным, втайне от всех направляя ход дела в удобную ему сторону...

Внезапно выругавшись, Мендельн вскочил и бросился вдогонку за остальными. Чем бы ни казалась эта атака на первый взгляд, за нею кроется нечто иное, куда более ужасающее... и, может статься, поражения уже не предотвратить.

Глава вторая

Поспешая к границе лагеря, Ульдиссиан ни в коей мере не беспокоился. Подобным образом, коварно, исподтишка, его и его сторонников атаковали не в первый раз. Однажды Лилит ухитрилась укрыть полчища мироблюстителей пополам с еще более нечестивыми морлу под чарами невидимости, и враг незамеченным подошел почти так же близко, но одолеть эдиремов ей это не помогло.

Вдобавок, не забывая, в каком они окружении, Ульдиссиан загодя позаботился о том, чтоб в случае повторения подобного трюка лагерю ничто не угрожало, и вот его предосторожности окупилась сполна.

В самом деле, из джунглей к строю эдиремов текли волною вовсе не вышколенные, облаченные в серебро инквизиторы Собора Света, а сущий сброд, разношерстная орда, весьма схожая с его собственным воинством. Вооружены нападавшие были не только мечами, но и плотницкими топорами, и вилами, и множеством прочих орудий труда, превращенных в орудия смертоубийства. С криками, с воплями мчались они к замершим в ожидании эдиремам, и в сердце каждого Ульдиссиан чувствовал неукротимый гнев.

– Это не Церковь и не Собор, это простые люди! – без всякой на то необходимости объявила Серентия, изготовив копьё к броску. – Но так же не может быть! Наверняка это морок, насланный, чтобы с толку нас сбить!

Внимания ее подозрения вполне заслуживали: иллюзиями ни та ни другая из могущественных сект не брезговала. Отринув прочь все сомнения, Ульдиссиан протянул вперед левую руку.

Сотворенная им волна чистого звука смела нападавших, точно перышки. Вражьи воины, среди которых Ульдиссиан заметил не только мужчин, но и женщин, взлетели в воздух, отброшенные назад. Одних швырнуло о стволы деревьев, другие исчезли в темноте зарослей. Пронзительные предсмертные вопли повергли Ульдиссиана в дрожь, однако это несколько не помешало ему ударить снова.

Стоявшая рядом Серентия, прицелившись, метнула копьё. Пронзив одного из врагов навылет, ее оружие прикончило и второго, бежавшего следом. Едва оба упали, окровавленное копьё само собою вернулось к хозяйке.

Прочие эдиремы не предоставили им биться с врагом вдвоем. Еще один из атакующих вспыхнул, охваченный пламенем, а столкнувшись с еще двумя, поджег и их. Трое горящих посеяли хаос в рядах соратников: остальные, опасаясь даже прикоснуться к ним, бросились враспынную.

Чуть в стороне мерцающие сферы поднимали вражеских воинов высоко в воздух, а после роняли их на головы товарищей. Плети волшебной силы, захлестнув горло, затягивались, душа нападающих одного за другим.

Кое-кто из эдиремов защищал лагерь при помощи вполне обычного с виду оружия наподобие луков, однако и здесь дело не обходилось без волшебства. Направляемые волей лучников, их стрелы разили врагов в самое сердце.

Среди нападавших тоже имелись лучники, но, обнаружив, как долго они мешкали с началом стрельбы, Ульдиссиан был здорово удивлен. Из темноты джунглей донесся свист, и к строю эдиремов полетели первые стрелы врага. Мастерство вражьих стрелков оставляло желать много лучшего, но при таком множестве оборонявшихся промахов им опасаться не стоило.

Стрелы Ульдиссиан подчинил себе, не шевельнув даже пальцем. Развернувшись на полпути, все они устремились назад и одна за другой поразили бегущих к лагерю. Шестеро воинов разом рухнули, будто подкошенные, со стрелами в горле.

Внезапная атака на глазах оборачивалась сокрушительным поражением, причем никто из эдиремов не получил даже царапины. Охранников Ульдиссиан обучил создавать щиты, не пробиваемые обычным, бранным оружием, и теперь не уставал удивляться: отчего напавшие не приняли этого в расчет? Чем дальше, тем больше казались они именно теми, кем выглядели с виду – простонародьем, крестьянами и им подобными. Теми самими, кому следовало бы охотно примкнуть к эдиремам, а вовсе не истреблять их.

Однако они шли в бой, хотя теперь в их ярости чувствовалась немалая доля отчаяния. Большинство, подобно тораджанам с их многочисленными сородичами, были смуглы, но среди них попадались и первые на памяти Ульдиссиана светлокожие жители нижних земель, вполне способные сойти за таких же асценийцев, как и он сам. По слухам, они населяли земли, включавшие в себя северную часть Кеджана, но кроме Лилии, фальшивого облика Лилит, Ульдиссиан за все проведенное в джунглях время ни одного такого еще не встречал.

И все-таки сходство с ним не уберегло их от судьбы темнокожих товарищей. Их подлое нападение Ульдиссиан вознаграждал сторицей, а достойной наградой почитал одну только смерть. Груды трупов росли в высоту, навевая жуть и в то же время пробуждая к жизни чувство стыда, однако ему и в голову не приходило, как положить конец схватке. Натиск врага не ослабевал, а его люди, уверенные в победе, были не склонны прекращать бой, чем дальше, тем больше походивший на бойню.

Вдруг за спиной Ульдиссиана зазвучала речь на языке совершенно неведомом и непонятном. В тот же миг там, позади, вспыхнул неяркий свет.

Один из убитых врагов вскочил на ноги, словно марионетка на туго, рывком натянутых нитях. Поначалу жуткий мертвец словно бы приготовился броситься на эдиремов, но тут же развернулся кругом, лицом к бывшим союзникам.

Следом за ним поднялся второй труп, и третий, а за ними – еще разом около полудюжины.

Первый шагнул навстречу врагам, и этого, наконец, оказалось довольно, чтоб нападение прекратилось. При виде идущего к ним мертвеца вначале один, затем еще несколько, а затем *все* нападавшие до единого развернулись и в панике бросились прочь. В их бегстве не чувствовалось ни складу ни ладу: казалось, они просто стремятся спастись, полагая, будто за ними вот-вот устремится целая армия упырей, восставших из мертвых.

Несколько из сторонников Ульдиссиана запустили вслед убегающим – кто огненными шарами, кто стволами вырванных с корнем деревьев, но затем грандиозность происшедшего сделалась очевидна для каждого. Окрестности лагеря сплошь устлали тела убитых, однако среди эдиремов таковых не имелось ни одного. Защитники лагеря торжествующе завопили.

Ульдиссиан обернулся к Мендельну: он-то и бормотал заклинания на непонятном языке. Выглядел брат так же мертвенно, как и поднятые им на ноги трупы, а в руках сжимал тот самый жутковатый кинжал, на вид словно бы выточенный из бивня... или из кости. Оружие Мендельн держал острием книзу. Зловещее сияние порождал его клинок.

Повернув кинжал острием вверх, младший из братьев пробормотал еще слово.

Со стороны джунглей донесся глухой звук падения чего-то тяжелого. Оглянувшись, Ульдиссиан увидел, как оживленные мертвецы вновь валятся наземь и замирают бесформенными горами среди прочих тел. Некоторые из эдиремов невольно принялись осенять себя ритуальными знаками на манер приверженцев Церкви Трех и Собора: давние привычки изживаются не в один день, пусть даже перед лицом страшной правды касательно обеих сект.

– Я должен был предпринять хоть что-нибудь, – без лишних слов пояснил Мендельн. – Все это начало принимать слишком уж страшный и унижительный оборот.

– Они напали на нас. Подлю, исподтишка, если ты вдруг запамятовал. И получили по заслугам.

Однако винить брата в стремлении прекратить бойню, пусть даже гибли в бою только враги, Ульдиссиан не мог.

– Возможно, возможно...

Этот тон Ульдиссиану был прекрасно знаком и чем дальше, тем сильнее раздражал его.

– Возможно, с виду они на нас и похожи, но пусть это, Мендельн, тебя не обманывает. Если они не из Церкви Трех, значит, служат Инарию.

– Жаль, допросить здесь некого, – заметила Серентия, ткнув древком копья одно из мертвых тел. – Эдиремы день ото дня становятся лучше и лучше. Взгляни, Ульдиссиан: в живых не осталось ни одного.

– И не должно было, – откликнулся Ульдиссиан, сам удивившись собственному тону, пусть всего-навсего из-за его равнодушия. – Но ты права: узнать, что все это могло означать, нам бы не помешало. Облик умеют менять – стало быть, либо ангелы, либо демоны. Но почему тогда бились, будто обычные крестьяне да мастеровые?..

И тут он вдруг понял, о чем хотел сказать Мендельн.

– Вздор какой-то! Они же должны были знать, что мы их в клочки разнесем. Уж теперь-то и о Торадже, и о других городах, где нашлись храмы Церкви Трех, наверняка всем известно...

– Послушай-ка...

Казалось, брат готов высказать предположение насчет того, что скрывалось за отбитой атакой, и это при всей внешней невозмутимости Ульдиссиана встревожило его до глубины души.

– Что?

– Позволь мне, – вполголоса, так как вокруг, в ожидании новых приказов, во множестве собрались эдиремы, заговорил Мендельн, – пару минут побродить среди... побежденных и выбрать нескольких. А после вели остальным собрать тела для сожжения либо захоронения.

– Выбрать? – Серентия побледнела, как полотно. – Что значит «выбрать»? Для чего выбрать?

– Как для чего – для допроса, конечно же.

Старательно сохраняя спокойствие на лице, Ульдиссиан немедля велел приверженцам взяться за тела убитых, а брату шепнул:

– Ступай прямо сейчас. Выбери двух. Только двух. А я помогу переправить их туда, где нам не мешают.

– Но эти двое могут ни о чем не знать. Вот если б я смог осмотреть еще нескольких...

– *Двух*, Мендельн! *Двух*. Не больше. Остальным просто вели эту пару не трогать.

Юноша в черном негромко вздохнул.

– Хорошо, будь по-твоему. Тогда мне лучше всего не медлить, не то большую часть убитых успеют унести.

– Ульдиссиан, – заговорила Серентия, подождав, пока Мендельн не отойдет подальше, – я его как друга, почти как брата люблю, однако тревожно мне за него. По-моему, не к добру это все: он же с головой ушел в чары, затрагивающие мертвых.

– Я этому тоже вовсе не рад, но никакого зла он до сих пор не совершил. Напротив, спас многих из нас, и меня в том числе.

– А еще, пусть совсем ненадолго, вернул мне Ахилия...

В глазах Серентии блеснули капельки влаги.

– За Мендельном я приглядываю, не сомневайся. И если решу, что он – или этот треклятый Ратма – переступил черту, так этого не оставлю, Серри, нипочем не оставлю. Злодеяния я даже от брата родного не потерплю.

Говорил он вполне серьезно – серьезнее, чем она думала. Если все эти штудии доведут Мендельна до чего-либо скверного (чем это может оказаться, Ульдиссиан сейчас не смел даже предположить), старший из Диомедовых сыновей остановит младшего без раздумий.

Если потребуется, то и навсегда. Иного выбора у Ульдиссиана нет.

Сохранить затею Мендельна в полном секрете от остальных возможности не представилось, однако Ульдиссиан с Серентией постарались отвлечь эдиремов на себя, пока брат не отыщет двух подходящих мертвых тел. Как только Мендельн нашел их, Ульдиссиан помог ему унести трупы подальше от остальных, а Серентия осталась в лагере – приглядывать, чтобы никто не забрел туда, где оба возьмутся за дело.

– Вот тут. Тут будет лучше всего, – наконец-то решил младший из братьев.

Вначале они оттащили трупы от лагеря, а после, по одному, перенесли в выбранное Мендельном место. Для воплощения замысла младший брат подыскал небольшую полянку – минутах в десяти ходу от лагеря, однако ж Ульдиссиан предпочел бы отойти еще дальше. Невдалеке журчал ручеек, над головой нависали шатром густо поросшие листьями ветви, а заросли джунглей, обступавших поляну стеной, превосходно укрывали обоих от глаз эдиремов. Вот призванные Мендельном жутковатые силы самые чуткие из них, скорее всего, заметят, но этому горю не поможешь ничем: брат загодя предупредил, что любая попытка оградиться от посторонних помешает допросу.

Мендельн торжественно, с предельной серьезностью уложил тела убитых бок о бок. Правые ладони их легли на сердце, левые же – на лоб.

– А это зачем? – невольно вырвалось у Ульдиссиана.

– Ратма с Траг'Улом учат, что душа соприкасается и с разумом, и с сердцем. Мне нужно призвать души погибших, а это усилит зов. Для нашей цели не обязательно, но дело значительно упростит... я ведь знаю: тебе хочется закончить как можно скорее.

– Да уж, хотелось бы.

Кивнув, Мендельн снова извлек из складок одежд костяной кинжал. От клинка так и веяло чем-то противоестественным, потусторонним, не вполне от мира сего. Но, сколь бы ни отвратительным казался он Ульдиссиану, старший из сыновей Диомеда помнил, как много добра принесло это оружие ему и его людям. Благодаря костяному кинжалу, во время последней великой битвы с воинством Церкви Трех Мендельн отправлял на встречу со смертью – новую встречу со смертью – одного морлу за другим, и сколько же спас при том жизнью...

Но, тем не менее, вблизи от костяного кинжала Ульдиссиана просто-таки с души воротило. Этот кинжал был прямо связан со смертью и тем, что начинается за гранью смерти, а совать нос в такие материи никому из людей не стоило.

Повернув клинок вниз острием, Мендельн склонился к груди первого из убитых. При жизни то был человек средних лет, скорее всего – такой же крестьянин, как и сам Ульдиссиан. Лысеющий, отравивший кой-какое брюшко, но до сих пор крепкий, плечистый, он выглядел так, будто просто уснул.

Мендельн занес острие кинжала над его сердцем. Ульдиссиан затаил дух, но его брат всего лишь принялся чертить на груди мертвого руны, вспыхивающие белым светом и тут же угасающие, становясь не ярче потускневшего серебра. Общим числом рун оказалось пять.

Покончив с этим, юноша в черных одеждах проделал то же самое со лбом убитого, только руны на сей раз начертал другие. Далее Мендельн перешел ко второму из тел – телу девушки, по-видимому, лет этак не более двадцати, худой, узколицей... а главное, на взгляд Ульдиссиана, слишком уж юной для этаккой гибели. Вправду ли она – та, кем кажется с виду? Если да, подоплека случившегося еще хуже, тревожнее, чем он полагал.

– Ульдиссиан, будь добр, отступи на шаг.

Когда старший брат отошел, Мендельн встал у ног мертвых тел. Теперь он поднял кинжал острием вверх. Едва над поляной зазвучали загадочные слова, слова наречия, посредством магии перенятого им от Ратмы, у Ульдиссиана волосы поднялись дыбом.

Над мертвыми телами вспыхнули крохотные волшебные огоньки. Не прекращая говорить, Мендельн опустился на колени, протянул вперед руку, коснулся острием кинжала ладони, покоившейся на сердце мужчины.

При виде тоненькой алой линии, прочерченной кинжалом на коже, Ульдиссиан невольно вздрогнул. Крови он уже не ожидал. Однако прежде чем он успел хоть что-нибудь сказать, Мендельн проделал то же самое с ладонью девушки. Странно, но когда он отнял кинжал от пореза, на мерцающем клинке не осталось ни пятнышка.

Пробормотав еще что-то, брат в ожидании замер. Долго ждать ему не пришлось. Миг – и над трупами сгустился туман, но природным, естественным он оказаться никак не мог. Несколько прядей тумана, словно щупальца, потянулись к кровоточащим ладоням, и...

Лужицы крови, скопившиеся на коже мертвых, начали стремительно уменьшаться, словно бы высыхая... или будто туман поглощал, всасывал кровь.

– Мендельн...

Вновь что-то пробормотав, брат отмахнулся: молчи, дескать, молчи! Наполовину свернувшаяся кровь на глазах иссыкала, пока на коже не остались лишь ранки, нанесенные тонким клинком.

Как только последние капельки алой влаги исчезли, туман обрел форму... форму *двух* человеческих силуэтов.

Один из них смутно напоминал мужскую фигуру, а другой – женскую.

Мендельн молчал. Ульдиссиан, ожидая его указаний, тоже не проронил ни слова. Туманные силуэты чуть больше прежнего слились воедино, чем брат, похоже, был раздосадован.

– Не очень-то получилось, – упрекнул он себя самого. – Четкости не хватает, сходства с прижизненным обликом!

– Но ответить-то нам они смогут? – вмешался Ульдиссиан, желая поскорее покончить с вопросом. – Разве не в этом вся суть?

– Да. Это, скажем так, самое злободневное.

Признав сие, Мендельн еще раз оглядел плоды трудов своих, сокрушенно покачал головой и указал кинжалом на тень мужчины.

– Как тебя называли при жизни?

Поначалу единственным откликом ему был только шелест ветра, но вот в этом шелесте послышался голос:

– *Хадин... Хадин...*

– Откуда ты родом? – удовлетворенный сим достижением, продолжал Мендельн.

– *Т-Тораджа... Тораджа...*

– Тораджа? – Ульдиссиан сдвинул брови. – Издалека же он шел...

– Согласен, путь он проделал неблизкий. Каков был твой род занятий? – продолжал младший брат, вновь обратившись к духу. – Принадлежал ли ты к приверженцам Церкви Трех?

На сей раз без заминки не обошлось, как будто вопросы Мендельна оказались для призрака слишком сложны. Но вот...

– *Я возделывал землю и растил на ней хлеб... как отец мой, и дед, и мой пра...*

– Довольно! Теперь отвечай насчет Церкви Трех! Был ты ее адептом?

– *Нет...*

– Мендельн, он наверняка врет, иначе зачем шел сюда со столь мрачными намерениями?

– Зачем ты пришел с теми, прочими, и напал на нас, если не служишь Трем? – пожав плечами, спросил Мендельн духа.

Снова заминка... а после:

– *Чтобы спасти нашу землю... чтобы спасти весь Кеджан...*

Ответ показался Ульдиссиану сущим вздором.

– Чтобы спасти весь Кеджан... от кого – от нас? Это же мы стремимся спасти всех и каждого!

– Терпение, терпение, – отвечал Мендельн брату, однако слова духа, очевидно, здорово озадачили и его.

Почесав подбородок, младший из братьев обратился к призраку девушки:

– Ты. Какое имя ты носила при жизни?

– *Видриси...*

– Ты тоже явилась спасать Кеджан от тех, в лагере?

Ответ ее оказался столь же быстр, сколь и убийственен:

– *Да...*

– Что тебя к этому побудило? – спросил Мендельн у духа Видриси, прежде чем Ульдиссиан успел вмешаться в допрос. – Что подтолкнуло тебя примкнуть ко всем остальным?

– *Мы знали... мы знали... таков наш долг...*

– Нет же! Я спрашиваю... я спрашиваю... кто предложил это первым?

Но дух девушки не отвечал. Мало этого, оба призрака утратили изрядную долю определенности черт, и без того, надо сказать, невеликой. Мендельн немедля забормотал очередную невнятицу.

– Что такое? – в нетерпении спросил Ульдиссиан. – Что стряслось?

– После!

Брат начертал в воздухе несколько знаков, сосредоточив большую часть их на тени девушки. Призрак Видриси вновь обрел четкость и на сей раз сделался виден куда как яснее прежнего.

Однако дух Хадина вновь обернулся обычным туманом, а после рассеялся без следа.

– Этого я упустил, – с немалой злостью в голосе признал Мендельн, – но она все еще связана чарами. Кто подстрекнул вас к этому походу и битве? – едва ли не прорывал он, вновь повернувшись к призраку. – Кто первым вам эту мысль подсказал?

Ответа не последовало, но тень Видриси рассеиваться не спешила.

Мендельн начертал в воздухе еще несколько рун, еще что-то пробормотал, и вот, наконец...

– *Помню... припоминаю... этого миссионера... он говорил: фанатики... принесли с собой столько горя... погубили столько... ни в чем не повинных людей...*

– Ни в чем не повинных людей?! – само собой сорвалось с Ульдиссианова языка. – Это он о Церкви Трех?!

– *Так много ни в чем не повинных людей... угодили меж двух огней... пали жертвой злодеяний фанатиков и вероломства Церкви Трех... помню, как печалился тот миссионер... как хотел хоть чем-нибудь помочь горю...*

– Довольно, – велел Мендельн призраку.

Тень замерла, но восвояси не отправилась.

Братья уставились друг на друга. Теперь ответ был известен обоим.

– А ведь Ратма не раз предупреждал: его отец исподволь обратит себе на пользу все, что ни произойдет, – напомнил младший.

Ульдиссиан смерил Мендельна сердитым взглядом, хотя на брата, снова затеявшего этот разговор, не сердился ничуть. Злился он только на себя самого, недооценившего хитроумие и скрупулезность Инария.

– Выходит, ангел обращает всех против нас, так, Мендельн? Где б мы ни бились, повсюду следом за нами приходят его миссионеры, заботятся о пострадавших, кормят голодных, и забывают их головы рассказами о наших злодеяниях!

– Да, как мы ни старались, однако безупречной чистоты рук сохранить не смогли. Ну, а Инарий, несомненно, преувеличил эти прискорбные случаи настолько, что уцелевшие только о них и помнят.

Ульдиссиан витиевато выругался. Отрицать правоты Мендельна он не мог. До сих пор старший из Диомедовых сыновей полагал, будто теперь, по крайней мере, в Торадже и остальных пройденных эдиремами городах да селениях знают всю правду насчет Церкви Трех и Собора. Конечно, он не рассчитывал, что местные жители будут вспоминать о нем и его последователях с любовью, но хоть какое-то уважение, хоть какую-то добрую память о них горожане должны были сохранить!

Теперь ему сделалось ясно: человек по природе своей склонен во всем прежде всего видеть дурное, и слуги Пророка сыграли на этой склонности – лучше некуда.

В душе вспыхнуло буйное пламя. Разгорелось оно так быстро, так яростно, что разом затмило весь его здравый смысл. Теперь Ульдиссиан понимал, сколь глупо было полагать, будто Инарий позволит *ему* управлять ходом событий. С чего бы ангелу жаловать смертного противника таким одолжением? Один-единственный хитроумный ход – и Инарий, можно сказать, на пороге победы. Внушить простому народу такой неукротимый гнев, что люди по собственной воле проделали долгий путь через суровые джунгли, дабы дать бой могущественному врагу... подобная сила повергла Ульдиссиана в смятение.

Жар в груди запылал так, что сдерживать его старший из сыновей Диомеда больше не мог.

Ульдиссиан устремил взгляд на трупы...

И Мендельн едва успел вовремя отскочить прочь. Огонь, охвативший тела убитых, в считанные секунды обратил их в золу. Подхлестываемые досадой Ульдиссиана, языки пламени взвились ввысь, вгрызаясь в ближайшие из деревьев. Поляна вмиг превратилась в сущее пекло.

Тень девушки с жалобным стоном рассеялась. Кто-то вцепился в Ульдиссианов рукав, но старший из сыновей Диомеда даже не сразу понял, что это Мендельн, кричащий ему в самое ухо:

– Прекрати, Ульдиссиан! Прекрати немедленно, пока все джунгли не запылали!

Однако гасить пожар Ульдиссиан не хотел: чем яростнее разгорался огонь, тем легче становилось у него на душе. Не без презрения стряхнул он руку Мендельна с рукава...

И тут что-то резко ударило его в грудь. На миг в глазах потемнело от боли. Опустив взгляд, Ульдиссиан увидел стрелу, глубоко вошедшую в тело, и мимоходом отметил: а ведь стрела не простая – знакомая.

Знакомая... и, вдобавок, покрытая тонким слоем сырой земли.

Покачнувшись, Ульдиссиан рухнул навзничь.

* * *

Убийца несясь сквозь заросли с ловкостью, с грацией, достойной самого быстроногого хищника. Бежать он кинулся еще до того, как спустил тетиву. Нет, остаться неузнанным лучник отнюдь не стремился: все равно не удастся. Узнают его без ошибки – хотя бы по стреле, припорошенной сырой землей.

Ахилий бежал. Не потому, что ему так хотелось: так ему повелели. Выстрелил он, как было приказано, но на этом дело не кончилось, вовсе не кончилось.

Оставалась еще Серентия.

Благодаря правильным, ястребиным чертам лица, в былые дни, когда это хоть что-то значило, его считали парнем очень даже симпатичным. Светловолосый, гибкий да жилистый (без этого хорошему охотнику никуда), проворнее многих и многих, Ахилий привлекал к себе взоры множества юных девиц, проживавших окрест деревушки Серам, однако сам не смотрел

ни на кого, кроме нее одной. Сколь же печальным казалось ему в те времена, что Серентии нужен не он, а Ульдиссиан...

Со смертью его взгляды на жизнь здорово изменились.

Замедлив шаг, Ахилий оперся бледной, точно луна, ладонью о ствол ближайшего дерева, прислушался, но шума погони за спиной не услышал. В раздумьях рука сама собой, по давней, человеческой привычке, потянулась к подбородку, и перед глазами, больше не видевшими разницы между днем и ночью, мелькнула тыльная сторона ладони. Ладони, сплошь покрытой крупными сырой земли.

Охваченный яростью, он бросил лук под ноги, принялся оттирать грязь. Крошки земли подавались, летели в стороны – это он чувствовал, однако ладонь чище не становилась, оставалась точно такой же, как и вторая, которой Ахилий смахивал землю. Лица своего он не видел, но и без этого знал: с лицом дела обстоят не лучше. Все его тело – даже зеленый с коричневым охотничий наряд – было грязно, словно лучник только что выбрался из могилы. Сколько ни чистись, сколько ни отряхивайся – все без толку.

Мало этого: теперь ему отчаянно хотелось очистить не только тело, но и совесть.

Он только что застрелил лучшего друга. Да, не по собственному хотению, однако от этого грех его менее страшным не становился. Ему повелели, и он, Ахилий, не нашел в себе силы воли ответить отказом. Дождался удобного случая, прицелился и, как ни кричал ему разум: «Не стреляй! Или хоть возьми в сторону», – повиновался хозяину.

Подобрав лук, охотник вновь оглянулся назад. Что там мерцало сквозь заросли – зарево учиненного Ульдиссианом пожара, или всего-навсего отсветы бивачных костров – это значения не имело. Если он видит то либо другое, стало быть, ушел недостаточно далеко. Дальше нужно бежать.

«Вот только куда я бегу? Куда?»

Ответ на сей вопрос имелся только один, да такой, что страх и подумать. Ахилию надлежало бежать до тех пор, пока его уж точно никто не сможет заметить. Не далее. Ему было приказано держаться невядалеке, но и не слишком близко. В конце концов, следующей станет Серентия. Следующей...

Пораженный этой ужасной мыслью, охотник вскрикнул бы, да только голос ему отказал. Разумеется, причиной тому была вовсе не зияющая, покрытая коркой запекшейся крови пополам с землей дыра в горле. Голос ему даровало то же самое волшебство, что подняло из могилы, но полновластный хозяин – по крайней мере, на время – лишил его дара речи.

Не имея иного выбора, Ахилий продолжил бег. Такой аллюр насмерть загнал бы самого сильного, крепкого оленя или коня, однако ему, не нуждавшемуся в дыхании, изнурительная гонка была нипочем.

С легкостью, недоступной при жизни, огибал он деревья, скользил вдоль узких тропинок, перепрыгивал через бурелом...

Однако не чувствовал кожей ни малейшего ветерка. Даже в сей невеликой радости ему было отказано.

Внезапно охотник замер на месте, как вкопанный. Произошло это, опять-таки, не по его воле. От неожиданности Ахилий едва не споткнулся, но что означает нежданная остановка, понял немедля. Вот он, конец невидимой привязи. Чтоб убедиться в том, оказалось довольно оглянуться назад. Да, так и есть – отсветы пламени за спиной исчезли из виду...

По счастью, смерть, в числе немногoго прочего, не препятствовала добромu крепкому словцу. Здесь, вдалеке от лагеря эдиремов, Ахилий вновь обрел голос и бурно, яростно выругался. Да, его не услышит ни одна живая душа поблизости от Ульдиссиана, и никто иной, кроме разве что нескольких лесных зверей... но все-таки это позволило хоть ненадолго почувствовать себя *едва ли не* живым.

Как только слова сорвались с языка, впереди засиял ослепительный, противоестественно голубой ореол. Ахилий вновь выругался и, пусть даже заранее зная, что оружие не поможет, потянулся к колчану, за стрелой.

Посреди ореола возник силуэт того же самого существа в серебристо-голубой кирасе, с крыльями из множества токов энергии за спиной. Прочих подробностей было не разглядеть.

– Я сделал... твое... твое гнусное дело, – прохрипел охотник. – Позволь же теперь... умереть...

– ИДЕМ, – велело неземное создание, указав вперед дланью, закованной в латную рукавицу.

– Я выполнил твой клятый приказ! – возразил Ахилий, вскинув лук и наложив стрелу на тетиву. – Одной из этих стрел лишил жизни лучшего друга, брата во всем, кроме крови...

Лучник скрежещуще захохотал.

– Кроме *крови*... и теперь он весь в крови...

Однако крылатое существо не проявило к нему ни крупинцы сострадания. В отчаянии Ахилий, наконец, прицелился и спустил тетиву. Стрела устремилась точно туда, куда ему и хотелось – чуть выше верхнего края кирасы, где полагается быть горлу...

И, как и в прошлый раз, когда он пробовал сразить гонителя, ничуть не задержавшись, прошла крылатое создание *насквозь*.

Ахилий вновь выругался. Не так давно вот эта самая тварь зачаровала его стрелы, наделив их способностью истребить огромного, с множеством щупалец демона по имени Тонос. Та же волшебба позволяла стрелам преодолеть любые защитные чары Ульдиссиана – вот почему охотник надеялся, что и крылатому против них не устоять.

– ИДЕМ, – как ни в чем не бывало, повторил призрак, закованный в латы. – ОТ ЗАВЕРШЕНИЯ ДЕЛО ЕЩЕ ДАЛЕКО...

На взгляд Ахилия, означать это могло лишь одно.

– Не надо! Серентия... не надо ее...

Но челюсти против его воли сомкнулись накрепко, ноги охотника сами собой зашагали вперед, а руки таким же манером повисли вдоль тела. Совершенно бесполезный, лук закачался у бедра в такт шагам.

Не в силах воспротивиться чужой воле, неупокоенный лучник двинулся следом за ангелом в глубину джунглей.

Глава третья

– Ульдиссиан!

В последний миг подхватив падающего брата, Мендельн едва успел удержать его над землей. Такого ужаса младший из братьев не испытывал с самого дня смерти родителей. Из раны в груди Ульдиссиана ручьем хлынула кровь: стрела угодила если не в самое сердце, то наверняка совсем рядом.

Охваченный яростной, неудержимой дрожью, Ульдиссиан, не мигая, таращился вверх, в гущу темных ветвей. Казалось, ему хочется что-то сказать, но что – этого Мендельн не мог себе даже представить.

В голове младшего из сыновей Диомеда промелькнуло все, чему научил его Ратма, но ничего подходящего к случаю на ум не пришло. Вспомнилось лишь заклинание, при помощи коего Мендельн сумел прирастить назад руку, отрубленную одним из служителей Церкви Трех, но здесь оно, определенно, не годилось. Ульдиссиан с остальными поверили, будто Мендельн попросту исцелился, приставив руку к плечу. Никто из них даже не подозревал, что на самом деле рука его не жива, а *оживлена* – то есть, мертва, подобно Ахилию, и движется только благодаря волшебству.

Вдобавок, Мендельн и *этого* не сумел бы достичь, кабы не прирастил руку в течение часа с момента ее утраты. Промешкай он хоть чуточку дольше – остался б ни с чем. Нет, сейчас даже эти чары, с виду похожие на исцеление, беде помочь не могли.

Воскрешать Ульдиссиана на тот же манер, что и Ахилия, ему тоже не хотелось ничуть.

И тут Мендельн вспомнил о Серентии, немногим уступавшей в мастерстве Ульдиссиану. Может статься, брата сумеет спасти она...

«Но где же она?» – внезапно подумалось Мендельну. Кто-кто, а Серентия уж точно почувствовала, что произошло! Почему же сюда до сих пор не сбежалась толпа эдиремов?

Ульдиссиан закашлялся, брызжа кровью, тело его затряслось, задергалось сильнее прежнего.

Древко стрелы вспыхнуло пламенем, осыпав угольями залитую кровью рубаху Ульдиссиана. Из раны выплеснулась странная тягучая жидкость, и Мендельн вовсе не сразу узнал в ней остатки наконечника. Как только она вытекла вся без остатка, рана сама собой начала уменьшаться в размерах... и, наконец, затянулась.

Ульдиссиан снова закашлялся, но на сей раз так, точно всего лишь прочищает горло, и поднял веки.

От изумления Мендельн невольно разинул рот.

– Ульдиссиан! Не может этого быть! Ты же... ты же...

– Где...

Осекшись, старший из сыновей Диомеда снова откашлялся и повторил:

– Где... он?

– Кто?

– Ахи... Ахилий...

Только тут Мендельн понял, откуда взялась стрела. По-прежнему крепко, что было сил сжимая Ульдиссиановы плечи, он устремил пристальный взгляд в заросли. Конечно же, разглядеть ему ничего не удалось, но многое ли это теперь могло значить...

– Да нет же, нет! – воскликнул младший из братьев, вдруг осознав весь ужас высказанного Ульдиссианом обвинения. – Это какая-то хитрость, проделка Инария, а может, даже Церкви Трех! Ахилий бы ни за что...

Ульдиссиан не без труда поднялся на ноги. Его способности к восстановлению сил оставались только дивиться.

– Мендельн, стрела-то его, Ахилия. Я же вижу, и для тебя это тоже должно быть очевидно. Стрелял он. Бил так, чтоб поскорее прикончить.

– Будь это он, ты бы уже не ожил, – заметил Мендельн, не теряя надежд опровергнуть любую, пусть даже невольную причастность друга к убийству Ульдиссиана. – Ахилий в самом густом лесу любому зверю за сто шагов попадет прямо в сердце, а тут... да, совсем рядом, однако...

– Ахилий стрелял, желая убить меня, – возразил брат, однако выражение лица его сделалось мягче. – Но все же ты прав. Промahnуться Ахилий не мог – разве что сам молился о промахе.

Учиненный Ульдиссианом пожар набрал силы, пламя поднялось ввысь, однако другие эдиремы отчего-то бежать им на выручку не торопились. Все это Мендельна здорово озадачило, но тут Ульдиссиан небрежным взмахом руки погасил огонь. Миг – и единственной памятью о лесном пожаре остались лишь обгорелые ветви деревьев.

– Так это все ты, – пробормотал младший из Диомедовых сыновей. – Это из-за тебя никто, даже Серентия, не явился на помощь!

Нахмурившись, Ульдиссиан ощупал грудь в том месте, куда вонзилась стрела, провел замерцавшей неярким золотистым светом ладонью над затянувшейся раной и над пятнами крови. Глядя на все это, Мендельн в изумлении покачал головой.

Пара секунд – и пятна исчезли, а от прорехи в рубашке не осталось даже следа.

– Поначалу я сделал это, чтобы никто не набрел на нас, пока ты призываешь мертвых. Не хотелось мне, Мендельн, чтоб кто-нибудь это увидел. Они уже насмотрелись достаточно... вон, как боятся тебя.

Мендельну что-то не верилось, будто Ульдиссиан проделал это только ради младшего брата, однако на сей счет он предпочел промолчать.

– Ну, а когда в тебя выстрелили?

– Я рассудил, что стрела вскоре исчезнет... если только превративший Ахилия в убийцу не решит по-иному.

– Инарий?

Резко, невесело рассмеявшись, Ульдиссиан двинулся в сторону лагеря.

– Мендельн, ты же сам в это веришь ничуть не больше моего! Нет, на него не похоже, совсем не похоже. А вот еще кто-нибудь, столь же *могущественный*...

Услышав это, Мендельн нимало не успокоился – напротив, разом похолодел.

– Но ты ведь знаешь: если так, все потеряно.

Однако брат, не замедлив шага, небрежно ответил:

– Один ангел, два ангела, сотня... я одолею их всех. Всех до единого.

Глядя вслед удаляющемуся брату, Мендельн понял: Ульдиссиан вовсе не шутит.

* * *

Серентия ждала их у края лагеря, а рядом с нею стоял бывший партанский разбойник по имени Йонас. Стоило Ульдиссиану приблизиться, к ожидающим присоединился Сарон – неприветливый тораджанин, подобно Йонасу, исполнявший обязанности Ульдиссианова заместителя.

– Что там случилось? – немедленно спросила Серентия. – Как будто...

– Мы всего-навсего завершили работу Мендельна. Повозиться пришлось дольше, чем ожидалось.

Однако Серентия на этом не успокоилась.

– И что вам удалось узнать?

– Все это подстроено Собором, – ответил Ульдиссиан, устремив взгляд вдаль, за спины всех троих. – Инарий несет утешение пострадавшим, а заодно распускает лживые слухи о наших делах. Пытается обратить против нас весь Санктуарий.

Йонас нахмурился. Сарон оставался по-прежнему мрачен: в подобном расположении духа он пребывал с тех самых пор, как его двоюродный брат погиб от рук служителей Церкви Трех. Друг другу они были ближе, чем братья – возможно, даже ближе, чем Ульдиссиан с Мендельном.

– Раз так, пора нам, господин, идти на великий Собор, – заключил он.

– Мысль неплохая, – кивнув, согласилась Серентия. – Ударить бы в самое сердце, пока дело еще хуже не обернулось. Тут постепенно, как с Церковью Трех, отрезая кусок за куском, не получится. Этой возможности Инарий нас уже лишил.

Рассеянно потирая грудь там, куда угодила стрела, Ульдиссиан призадумался. Поравнявшийся с ним Мендельн неразборчиво хмыкнул.

– Нет, – в конце концов решил Ульдиссиан. – Не время. Прежде, чем идти на Инария, завернем еще в одно место. Всего в одно.

– Это куда же, мастер Ульдиссиан? – осведомился Йонас.

– В стольный град... в великий Кеджан, повидаться с главами тамошних магов.

Мигом разнесшаяся по лагерю, весть о его решении привела эдиремов в необычайное возбуждение. Бывать в столичном городе большинству Ульдиссиановых учеников прежде не доводилось. Все принялись судить да рядить: каково, дескать, там? Немногие побывавшие в великом городе описывали Кеджан как могли, но, исходя из услышанного Ульдиссианом, каждый из них помнил столицу по-своему.

Расхолаживать их он, несмотря на кое-какие тревоги Мендельна и Серентии, не спешил. Оба они вполне справедливо опасались столкновения с кланами магов, до сих пор, насколько им было известно, в противоборство не вмешивающимися.

Магов Ульдиссиан тоже слегка опасался, однако в себе был уверен вполне. По его рассуждениям, маги – очевидно, отнюдь не марионетки Собора Света – вполне могут заинтересоваться возможным союзом... или хотя бы постараются уменьшить влияние этой секты на умы масс.

Вот потому-то Ульдиссиан и решился рискнуть – тем более что и крюк, поскольку столица лежит более-менее на пути к оплоту Инария, выйдет не так уж велик.

С первыми отсветами утренней зари его разношерстное воинство снялось с лагеря и устремилось вперед, без труда пробивая себе дорогу сквозь гущу зарослей. Путь преграждает река? При помощи магии проще простого собрать из толстых стволов деревьев мост, или, как поступали самые умелые, взмыть в воздух и оказаться на той стороне! Впереди слишком крутой, слишком опасный подъем? Собранные в невеликие группы, эдиремы в буквальном смысле этого слова пробьют в нем дорогу!

Подобной похвальбы собственной силой Ульдиссиан не запрещал никому и никогда. Чем лучше его люди осваиваются с даром, тем больше у них шансов уцелеть в предстоящем бою, не говоря уж о шансах на победу.

Мендельн, естественно, выглядел недовольным, но недовольство свое держал при себе, и этого его брату было вполне достаточно. В первые два дня похода эдиремы преодолели изрядное расстояние. Конечно, путь им еще предстоял неблизкий, но, по расчетам Ульдиссиана, подобная скорость передвижения не оставляла миссионерам Инария слишком уж много времени на то, чтоб еще сильнее очернить их в глазах народа.

И все-таки он каждый вечер распоряжался, чтобы эдиремы продвинулись чуть дальше... еще немножко... и еще чуточку... и еще самую малость...

К исходу четвертого дня, незадолго до наступления темноты, им преградила путь очередная река. Эдиремы начали переправу. Охваченный дурными предчувствиями, Ульдиссиан выставил вокруг караульных.

Однако его опасения не оправдались. Никто на них не напал, никого не унесло рекой. Когда последние из эдиремов оказались на другом берегу, Ульдиссиан велел всем двигаться дальше, а сам задержался и оглядел окрестности реки отнюдь не только глазами.

Нет, ничего нового поиски не принесли.

Тратить последние минуты сумерек на то, чтоб отойти еще дальше от столь удобного источника воды, явно не стоило, и Ульдиссиан нехотя объявил привал. По обыкновению расставив вокруг лагеря часовых, он вспомнил недавнее нападение и велел выставить дополнительные караулы чуть глубже в джунглях, а всем караульным постоянно поддерживать связь друг с другом.

Но даже этих предосторожностей ему показалось мало. Поразмыслив, Ульдиссиан вызвал к себе Сарона.

– Подбери в помощь еще четверых, – сказал он, – и начинайте обходить лагерь дозором изнутри. Щупайте мыслью, отмечайте все, что покажется необычным.

– Слушаюсь, мастер Ульдиссиан. Вполне тебя понимаю.

Склонив голову, тораджанин немедленно отправился подыскивать четверку напарников, а Ульдиссиан поклялся самому себе не далее как через пару часов сменить его Йонасом во главе еще четверых. *Всем* караульным требовалось сохранять свежесть и ясность ума.

Однако ночь тянулась своим чередом, и мало-помалу Ульдиссиана начали одолевать сомнения: а может, все это – попросту нервы? Чем ближе стольный град, тем тяжелей становился груз взваленной на собственные плечи задачи. Вполне возможно, встреча с кланами магов подтолкнет их – ни больше ни меньше – к временному союзу с Инарием: как ни крути, а враг, которого они, по собственному разумению, понимают, лучше неведомых, непредсказуемых сил Ульдиссиана...

А впрочем, если эдиремы будут разбиты, положение магов станет гораздо, гораздо хуже – это он им и постарается внушить на переговорах... однако с переговорами придется подождать, пока эдиремы не придут в столицу.

Поддавшись усталости, Ульдиссиан решил, что с предосторожностями переусердствовал. Нет, все это – попросту нервы...

И вдруг его ослепил яркий до белизны свет, ударивший прямо в лицо. Ульдиссиан предостерегающе завопил, но голос его прозвучал так глухо, что он сам себя почти не расслышал. Тогда Диомедов сын потянулся мыслью к Серентии и остальным... но не сумел отыскать их.

Вокруг не осталось ничего, кроме яркого света... один только свет... но вот в свете том постепенно, мало-помалу, возник некто дивный – очевидно, его-то и окружал этот ослепительный ореол. Намного превосходявший ростом всякого человека, он твердой, уверенной поступью шел к Ульдиссиану. Кираса его блестела, крылья из множества токов чистой энергии полыхали всеми красками радуги.

Приблизившись к Диомедову сыну, он обернулся главою Собора Света, самим Пророком.

– Ульдиссиан уль-Диомед...

Голос его оказался подобен музыке. Примерно того же роста, что и недавний крестьянин, чудесный юноша взирал на него словно бы с изрядной высоты. Казалось, его ясные, серебристо-голубые глаза смотрят в самую душу, и от этого взгляда не укроется ни единая мелочь.

– Мое заблудшее дитя...

С запозданием вскочив на ноги, Ульдиссиан уставился в безупречно прекрасное, без единого шрама, родимого пятнышка или волоска бороды лицо Пророка в обрамлении золотистых локонов, ниспадающих много ниже плеч.

– Я не из твоих присных, Инарий, и уж точно тебе не дитя!

– Верно, верно, – согласился юный красавец, обнажив в благосклонной улыбке два ряда безупречных зубов. – Однако ты – дитя того, кто рожден тем, кто рожден тем, кто рожден... и так еще много раз... а в итоге череда та ведет к моему еще безнадежнее заблудшему сыну, ныне зовущему себя Ратмой.

О кровном родстве с Инарием Ульдиссиан был извещен, но родство сие полагал столь же далеким, что и родство, скажем, с той самой домашней скотиной, которую некогда выращивал на убой. Что ж, если ангел рассчитывал на пробуждение неких родственных чувств, то самым прискорбным образом просчитался.

– Нет-нет, в родню я отнюдь не навязываюсь, – с пугающей точностью угадав его мысли, заметил Пророк, – однако в моей власти сию же минуту даровать тебе отпущение всех грехов. Продолжать путь от прегрешения к прегрешению совсем ни к чему. Я все еще волен простить тебя, сын мой.

Пожалуй, Ульдиссиан счел бы все эти громкие заявления обычным нахальством... если б не одна весьма настораживающая вещь. Мало того, что старший из Диомедовых сыновей никак не мог дотянуться до остальных – весь лагерь пропал неизвестно куда. Свет, исходящий от неприятеля, окружал Ульдиссиана со всех сторон. Отступил он на шаг назад, но и это не помогло: неземное сияние затмевало собой саму землю.

– Пойми, – продолжал Инарий, отечески раскрывая ему навстречу объятия, – продолжать кровопролитие незачем. Исход предопределен. Кроме этого, виноват, по сути дела, вовсе не ты. С пути истинного тебя совратила *она*, та, чьего имени не след поминать, ну, а все твои оплошности – лишь следствие природных, врожденных изъянов. Ты смертен, ты слаб. Не сочти это оскорблением: все люди слабы, отчего и нуждаются в пастыре, ведущем их к свету.

Дело было не столько в словах, сколько в тоне Пророка, в манере держаться, во всем его существе – оттого-то Ульдиссиану и захотелось ему поверить. Примерно то же самое он испытал, когда к нему явился демон Люцион в облике главы Церкви Трех, только Инарий оказался в тысячу крат неотразимее. Ульдиссиана вмиг охватило желание пасть перед ним на колени, молить о прощении...

«За что это? – вдруг спохватился он, охваченный злостью, разом спалившей все благоговение, внушенное ангелом. – За что это мне прощенья просить?!»

– Ярость – любовница демонов, добрый мой Ульдиссиан. Поддаться ей – значит отречься и от разума, и от души.

– Избавь меня от своих благоглупостей! Где остальные? Куда ты их подевал?

– Забота... вот это – черта прекрасная, – с одобрением кивнул Пророк. – О тех, кто, впад в заблуждение, следует за тобою, тебе в самом деле надлежит позаботиться: ведь твой выбор может обречь на погибель и их.

«Серри! Мендельн! Йонас! Сарон!»

Но всех их будто и след простыл.

Призывая на помощь внутренний дар, Ульдиссиан рванулся к Инарию, однако Пророка на прежнем месте не оказалось. Теперь ангел стоял чуть сбоку, бесстрастно взирая на человека, с разбегу рухнувшего наземь.

– Ярость, Ульдиссиан уль-Диомед, ведет лишь к новому позору и новым бедствиям. И оставляет человека не только упавшим в грязь, но и навек перепачканным оной.

Снова вскочив, Ульдиссиан устремил гневный взгляд на благообразного юношу. Он ожидал, что вспыхнувшее вокруг ангела пламя если не повредит ему, то хотя бы сотрет самодовольную мину с его безупречно ясного лица.

Увы, все его старания не привели ни к чему.

– Сам видишь, каковы твои шансы, доброе чадо мое. Не испросишь прощения – тебя и тех, кто тебе дорог, ожидает лишь смерть да вечные муки. Следуя прежним путем, путем

греха, ты обречешь на погибель всех до единого. Этого ли ты хочешь? Настолько ли непомерна твоя гордыня?

Ульдиссиан яростно сплюнул.

– Если во мне гордыня и есть, с твоей, Инарий, ей не сравниться. Мы ни тебе, ни Люциону, ни Лилит не принадлежим. Это не твой мир, а наш! Наш!

Улыбка Пророка угасла.

– Я выковал этот мир из первозданных сил, почерпнутых в месте Творения! Я вылепил его земли, я наполнил водою моря! Все сущее в нем существует благодаря мне и так, как мне угодно... включая тебя, дитя мое.

Прежде чем Ульдиссиан успел хоть что-нибудь возразить, вокруг раздались голоса. Поначалу он решил, что это Серентия и кое-кто из эдиремов, но в следующий же миг эти голоса всколыхнули, извлекли на поверхность воспоминания, давным-давно погребенные в глубинах памяти... особенно один, женский:

– *Бедный мой Ульдиссиан! Так растерян, так разозлен! Позволь-ка, я тебя успокою...*

Ульдиссиан сглотнул подступивший к горлу комок, невольно заозирался, отыскивая говорящую.

С противоположной стороны донесся залиvistый девичий смех. Ульдиссиан обернулся назад.

Мать... младшая сестренка...

На самом краю поля зрения мелькнула тень. Ульдиссиан едва успел различить в ней дородного, крепкого человека примерно его роста. За ним появился и тут же исчез силуэт парнишки пониже ростом и помоложе.

– Ты стольким пожертвовал, чтобы спасти их, дитя мое, и пусть тела их погибли, они обрели спасение. Однако им страшно – страшно за тебя, ибо, отказавшись принять мой свет, ты не сможешь воссоединиться с ними. Вы останетесь в разлуке навек, и...

По щекам Ульдиссиана заструились слезы. Перед мысленным взором возникли лица родных, медленно, в муках умирающих от чумной хвори. Да, пустословов-миссионеров он неизменно гнал прочь, но в глубине души надеялся на то, что мать, отец и остальные умершие хотя бы обретут покой там, в царстве, лежащем за гранью смерти...

И вот это заставило его задуматься над откровением Инария. Отчего он, при всем своем ангельском могуществе, не предложил вернуть родных Ульдиссиана к жизни? Не к подобию жизни, как Мендельн проделал с Ахилием, но в самом деле всех их оживить?

Может, ему это не по силам? Если да, выходит, ангел не так уж и всемогущ?

От этого выхода Инария – призыв теней родных, да еще, вполне может статься, фальшивых – показалась человеку особенно гнусной. Чтобы добиться своего, ангел не побрезговал разворошить в душе Ульдиссиана чувства, о коих он всем сердцем желал бы никогда больше не вспоминать. Пустота, отчаяние, горечь...

Подхлестнув этими чувствами силу дара, Ульдиссиан перевел взгляд на Пророка и испустил оглушительный рев. Захлестнутый скорбью об утрате родных, разом унесшей прочь все сомнения, сын Диомеда обрушил на Инария всю свою мощь.

Слепящий свет слегка потускнел... но на этом все и закончилось. Самодовольная, благообразная мина Пророка по-прежнему маячила перед ним, взирая на него свысока. Невзирая на полное отсутствие хоть *каких-нибудь* зримых свидетельств успеха, Ульдиссиан так обессилел, что пал на колени.

– Ты предпочел грех, – неторопливо, бесстрастно проговорил Пророк. – Теперь, дитя мое, я в силах помочь тебе, лишь положив конец твоему бессмысленному, несправедному существованию.

С этим Инарий попросту взял да исчез.

В тот же миг угас и окружавший ангела ореол, да так внезапно, будто Ульдиссиана с головой окунули в непроглядную тьму. Однако думал он вовсе не о себе – о родных и любимых, словно бы навестивших его на минутку.

– Мать, – прохрипел он. – Отец...

И вдруг его голова, точно по собственной воле, вздрогнула, оторвалась от земли. Оглядевшись, Ульдиссиан обнаружил, что снова лежит посреди лагеря, окруженный спящими эди-ремами. Лоб холодил легкий ветерок, где-то вдали тараторили, перекликались друг с дружкой ночные обитатели джунглей.

Ульдиссиан задрожал.

«Не могло это все быть сном! Не могло...»

Садясь, он оперся ладонью о землю, глубоко впившись в нее ногтями. Каждый мускул, каждая жилка ныли, словно сын Диомеда действительно только что бился с ангелом... однако будь это так, вокруг вряд ли царил бы мир да покой: их схватка весь лагерь бы переполошила.

«Это просто кошмарный сон, – твердо сказал себе Ульдиссиан. – Просто кошмарный сон... бояться тут нечего...»

Но тут он невзначай бросил взгляд вниз, и...

И увидел, что земля вокруг опирающейся о нее ладони выжжена более чем на ярд.

* * *

«Как это кстати», – подумал Зорун Цин, завершив прорицание.

Семиугольник, вычерченный им на земле, еще неярко мерцал искорками остаточных магических сил. По-прежнему удерживая использованный для предпринятого кристалл на золотой цепочке над центром фигуры, маг устремил взгляд вперед, в чашу джунглей.

«Как кстати... этот Ульдиссиан уль-Диомед сам идет со мной повидаться».

Выпрямившись, кеджани стер семиугольник подошвой, вместе с землей расшвыряв в стороны искорки неразвевшегося волшебства, и оглянулся на стоявших сзади. Кроме Терула при топоре и факеле, его сопровождала полудюжина стражников в свободных алых одеждах и золотых кирасах верховного совета кланов. Стражей навязали ему «наниматели» и, весьма вероятно, не столько ради помощи в деле, сколько для слежки за чародеем. Советники, как всегда, остерегались доверять даже тому, кому сами же все и поручили.

Зорун едва слышно хмыкнул себе под нос. Остерегаются... и правильно делают.

Внезапно кусты впереди дрогнули, словно навстречу, из джунглей, шел некто довольно крупных размеров. Поспешно сунув кристалл в кошель у пояса, маг приготовил новое заклинание. Терул грозно рыкнул и выступил вперед, заслоняя собою хозяина. Стражники взяли оружие на изготовку, однако остались на месте.

Из темных зарослей на поляну выломился человек с виду лет этак под тридцать. Некогда крепкий и гибкий, он до сих пор держался с достоинством, свидетельствующим о принадлежности к высшим кастам. Однако все его тело, включая лицо, покрывали черные пятна – едва ли не ожоги, а выглядел он, будто который уж день ничего не ел и не пил. Лицо его еще сохраняло следы былой красоты... только вот в пристальном, ясном взоре чувствовалось нечто, граничащее с безумием.

С безумием... а может, он зачумлен?

– Стой, где стоишь, – велел маг, подняв руку и начав вычерчивать в воздухе знак. – Ближе не подходи.

Чужак страдальчески улыбнулся, устремив взгляд за спину мага. Только тут Зорун и прочие заметили, что десны его почернели, а зубы искрошены.

– Ты, – прохрипел незнакомец. – Лучше бы... ты...

Зорун нараспев затянул заклинание, и вышедший из кустов рухнул наземь.

Несколько из стражников шагнули было вперед, но чародей взмахом руки велел им остаться на месте. Нет, заботился он отнюдь не о них – о себе. Если чужак действительно зачумлен, подхватить от него заразу можно и через сопровождающих.

Способ быстро и безо всякого риска выяснить правду имелся. Сунув руку в другой кошель, Зорун извлек из него небольшую шкатулку, которую неизменно носил при себе с тех самых пор, как Кеджан в последний раз навестило чумное поветрие. В шкатулке той хранилась мука, смолотая из костей жертвы сей страшной хвори. Разумеется, тело, дабы истребить заразу, вначале предали огню, но кости память о ней сохранили. Если упавший заражен чем-то подобным, порошок поднимется с ладони в воздух и осядет на чужака.

Бормоча заклинание, маг зачерпнул из шкатулки потребную порцию костной муки. Желтоватая пыль дрогнула, будто готовясь взлететь... но тут же и замерла без движения.

Выходит, не зачумлен...

Зорун совсем было собрался оставить труп и забыть о нем, но тут его взгляд, наконец, привлекли лохмотья на теле умершего.

– Терул! Поднеси к нему факел поближе!

Звероподобный слуга повиновался. Сам Зорун, предосторожности ради, остановился от трупа подальше.

Действительно, лохмотья оказались ризами служителя Церкви Трех – насколько маг мог судить, жреца довольно высокого ранга.

– Переверни его, – велел Зорун, решив, что риск невелик.

Отложив топор, слуга подцепил огромной ручищей плечо мертвеца.

И вдруг жрец схватил Терула за запястье. Веки его поднялись...

Терул, с совершенно не свойственным ему испугом ахнув, поспешил выдернуть руку. Жрец вновь сделался неподвижен.

Подождав, убедившись, что тело более не шевелится, Зорун подал Терулу знак завершить начатое. Несмотря на недавний возглас, великан, ничуть не колеблясь, перевернул жреца на спину.

По более пристальному рассмотрении, одежды мертвого выдавали в нем приверженца Диалона. Изучивший Церковь Трех досконально (врага надлежит знать в лицо), Зорун отметил, что сохранившиеся на лохмотьях символы указывают на служение – ни много ни мало – в самом главном храме.

– Как жаль, что ты мертв, – пробормотал он, обращаясь к трупу. – Интересно, многое ли ты мог бы поведать нам об этом асценйце?

На шее жреца блестела цепочка, которой прежде было не видно. Подцепив ее палкой, Зорун обнаружил на ней медальон – знак положения в иерархии секты.

– Пожалуй, имя твое мне должно быть известно... так-так, дай-ка подумать...

Располагавший множеством самых разных источников сведений, кеджани знал всех высших жрецов Церкви Трех и внимательно следил за их внутренними интригами. Более других интересовал мага верховный жрец Мефиса, некто Малик, однако не так давно Зоруна известили об исчезновении и предполагаемой гибели одного. Отнюдь не глупец, Зорун понимал: за проповедями Церкви Трех кроется нечто еще, темная сторона, к каковой, на его взгляд, Малик имел самое непосредственное отношение.

Однако Маликом сей жалкий дурень оказаться не мог. Покопавшись в памяти (а памятью он обладал отменной), Зорун наконец-то наткнулся на искомое имя.

– Тебя звали... тебя звали Дуррам. Да, именно так. Дуррам.

Стоявший рядом Терул невнятно рыкнул. Зорун, даже не взглянув на него, поднялся.

– Ты мог бы стать для меня целым кладезем сведений... если б только сумел прожить чуточку дольше.

Пинком ноги, обутой в сандалию, маг оттолкнул труп прочь, в кусты, но интереса к появлению жреца ничуть не утратил: слишком уж далеко забрел этот Дуррам от главного храма, оказавшись в весьма волнующей близости от местонахождения Ульдиссиана уль-Дио-меда. Пожалуй, взаимосвязь, располагая временем, сумел бы уловить даже Терул. При этом Дуррам, против всяких разумных соображений, преследовал асценийца пешим, невзирая на столь очевидно плачевное состояние здоровья.

– Глупость, достойная восхищения, – заметил маг, обращаясь к себе самому. – Уж лучше бы первым делом хоть как-нибудь позаботился о собственной жизни... Идем, Терул! Здесь дело закончено.

Не отрывавший взгляда от трупа, великан чуть замешкался, но повиновался, подхватил с земли свой топор и вскинул его на плечо. Усевшись на коней, они вместе со стражниками направились дальше, в джунгли.

Но прежде чем прищипорить коня, Терул в последний раз оглянулся на тело злосчастного Дуррама.

Оглянулся... и на губах его мелькнула улыбка.

Глава четвертая

На следующий день Ульдиссиан гнал эдиремов вперед, мрачный, как туча. Причин этой перемены в расположении духа он объяснить не удосужился, а спросить о том не отваживался никто, даже Мендельн. По всей вероятности, младшего брата снедали самые жуткие подозрения, однако Ульдиссиана сие ничуть не заботило. Сейчас ему казалось особенно важным поскорее достичь стольного града Кеджана и встретиться с кланами магов.

Вот только хватит ли их помощи в схватке со всей вражеской мощью? На взгляд Ульдиссиана, Инарий вполне себе убедительно показал, сколь мал, сколь ничтожен он, человек, в сравнении с ангелом. Рядом с Инарием сущей мелочью казалась даже Лилит. Однако в итоге Ульдиссиану неизбежно придется схватиться с врагом-небожителем... схватиться и, вероятно, принять скорую, постыдную смерть.

Однако в тот день эдиремы в пути не встретили никаких помех, кроме небольшого дождя. Поначалу дождю даже обрадовались, так как с его началом в джунглях стало немного прохладнее, но едва дождь кончился, влажность воздуха сделалась невыносимой. После этого партанцы идти с должной скоростью уже не могли, и даже местные, уроженцы джунглей, начали сдавать куда раньше, чем хотелось бы.

И все же на ночлег они расположились в уверенности, что назавтра – по крайней мере, с верхушек деревьев – сумеют разглядеть впереди далекие шпили башен великой столицы, Кеджана. От этого даже Ульдиссиан, пусть самую малость, но повеселел.

Спать он улегся, не сомневаясь в повторении ужасов прошлой ночи, но дело ограничилось всего-навсего какими-то туманными сновидениями. Проснулся Ульдиссиан в заметно лучшем настроении. Такова уж человеческая натура: с течением времени ночная встреча казалась ему все более пустяковой, однако обратиться с предложением к магам и прочим правителям города он был намерен, как только достигнет столицы.

На исходе утра путь эдиремам преградило нечто, немало обрадовавшее многих из них. Сквозь джунгли, деля их надвое, тянулась наезженная дорога, в которой Сарон и еще несколько человек немедленно узнали тракт, ведущий напрямик к главным воротам Кеджана.

Причин не воспользоваться трактом Ульдиссиан не нашел. Эдиремы перестроились в колонну, а сам он с Серентией и Мендельном встал во главе.

– Теперь мы – совсем как наступающее войско, – с некоторым неодобрением заметил младший из братьев.

– Нам не оставили выбора.

– Верно, но все равно жаль.

Ульдиссиан пожал плечами, но тут же, сощурившись, устремил взгляд вперед. По дороге в их сторону двигался небольшой караван – три повозки под полукруглыми дощатыми крышами. Красовавшуюся на боку каждой эмблему Сарон узнал сразу.

– Это купец по имени Фахин, мастер Ульдиссиан. По крайней мере, повозки – его. Один из богатейших купцов всех нижних земель.

– Я о нем слыхала, – вмешалась в разговор Серентия. – Люди Фахина приезжали по торговым делам к отцу. Однажды, в детстве еще, я с ним даже встречалась.

Товары купца охраняли целых две дюжины конных стражников. При виде огромной толпы, движущейся каравану навстречу, один из них, очевидно, их капитан, немедленно подал бойцам сигнал выдвинуться вперед. Повозки тем временем начали разворачиваться.

– Должно быть, он в самом деле богат, – заметил Мендельн, – если сумел отыскать столько народа, готового жертвовать собой ради его добра.

Всадники, не устремляясь в атаку, развернулись цепью и встали поперек дороги стеной. Цель их была очевидна: чтобы добраться до повозок, многим из тех, кого они, по всей вероятности, приняли за разбойников, придется расстаться с жизнью.

– Назад! – крикнул капитан, остроносый юноша со шрамом поперек подбородка. – Поверните назад, не то отведаете наших клинков!

– Мы вовсе не грабители, – откликнулся Ульдиссиан, разведя руками в знак дружелюбия.

– Это мы знаем, асцениец! Злодейства, учиненные тобою в Торадже и в прочих местах, хорошо известны повсюду! Но наш господин вам не достанется, пусть даже нам всем придется погибнуть!

Серентия тронула Ульдиссиана за плечо.

– Стало быть, Фахин там, в повозках? – сказала она. – Если мне удастся поговорить с ним, мы можем обзавестись союзником еще до того, как достигнем ворот. В Парте ведь получилось...

Идея казалась вполне стоящей, однако для разговора с купцом вначале следовало поладить с ретивым капитаном и его людьми.

– Мы не хотим кровопролития, – негромко сказал Ульдиссиан, взглянув в глаза капитана, взиравшего на него с осуждением.

С этими словами он еще шире развел в стороны руки. Кони стражников – особенно тех, кто находился в середине – неуверенно перебирая копытами, попятились к обочинам тракта. Движения их очень напоминали некий ужасный, причудливый танец. Кое-кто из стражей с руганью и криками принялся разворачивать скакунов назад, но все старания всадников оказались тщетны.

Первым понял, в чем дело, их капитан.

– Взять! Взять этого! – во все горло завопил он, указывая на Ульдиссиана.

Но как он и те, кто рядом, ни шпорили коней, кони упорно пятились к обочинам. Несмотря на все потуги раздосадованного капитана, посреди дороги в строю образовалась изрядной ширины брешь.

– Мендельн, ты с остальными жди здесь. Серентия, идем к этому мастеру Фахину.

Оба прошли мимо стражников, которые никак не могли до них дотянуться. Невидимые преграды, сотворенные Ульдиссианом, надежно удерживали конных на противоположных сторонах тракта.

Передняя повозка почти развернулась назад, но две прочие по-прежнему оставались от этого далеки. Поравнявшись с первой, Ульдиссиан взмахом руки заставил возницу взглянуть на него.

– В которой повозке мастер Фахин?

– В... э-э... в средней!

Кивнув в знак благодарности, Ульдиссиан повел Серентию к средней повозке.

Стражник, сидевший на козлах второй повозки рядом с возницей, поднял копье, собираясь метнуть его в незваных гостей, но с запозданием обнаружил, что древко намертво прилипло к ладони, и упал на возницу. Оба неминуемо рухнули бы наземь, но Ульдиссиан уберег их от беды. Если кто-либо из людей купца будет ранен либо погибнет, заручиться его помощью не удастся наверняка.

Обойдя повозку сзади, они остановились у дверцы, ведущей внутрь. Стоило Ульдиссиану того пожелать, дверь распахнулась настежь.

Изнутри навстречу обоим с воплем выпрыгнул еще один стражник.

Однако не успел он миновать в прыжке и фут, как отлетел назад, отправленный Ульдиссианом к противоположной стенке. Приземлился страж мягко, благополучно, но обнаружил, что больше не может сдвинуться с места.

Слева в дверной проем выглянул грузного сложения человек с украшенным самоцветами кольцом в носу. В волосах его, некогда угольно-черных, обильно серебрилась седина. Лицом он был не так смугл, как Сарон, но все же гораздо темнее Ульдиссиана с Серентией.

– Что ж, я перед вами, – с достоинством объявил он.

Несмотря на изрядную полноту и роскошь наряда (одних украшений из чистого золота хватило бы, чтобы кормить родную деревню Ульдиссиана целый год), себялюбивым скупцом, знать не желающим о нуждах остальных, Фахин вовсе не выглядел... однако это еще не значило, что он непременно увидит истину.

Впрочем, сказанное им далее внушало кое-какую надежду.

– Не делайте больше зла тем, кто мне служит. Забирайте меня, а их отпустите.

– Все они целы и невредимы, – заверил его Ульдиссиан, – и я, Ульдиссиан уль-Диомед, ручаюсь в том честию. Пришли мы для разговора, не более.

Купец с очевидным недоверием приподнял брови, но тут вперед выступила Серентия.

– Мастер Фахин, – заговорила она, заглянув в повозку, – не помнишь ли ты моего отца, Кира из Серама? Он часто вел с тобою дела в прошлом.

– Серам... Серам... да, деревню эту я помню, и Кира тоже припоминаю, – подтвердил кеджани, в раздумьях прикрыв глаза. – Достойный, помнится, был человек. Детишек куча... что ему, надеюсь, в радость...

Открыв глаза, Фахин кивнул.

– Да, Кир из Серама мне знаком... а ты, стало быть, дочкой ему доводишься?

– Мы с тобой, мастер Фахин, встречались, когда я была маленькой. Помню... – Тут Серентия слегка запнулась. – Помню, ты привозил с собой прекраснейшую, белой масти лошадку-пони с густой шелковистой гривой. Вся белая-белая, только над глазом узенькая темная полоска, из-за которой казалось, будто она что-то этакое замышляет...

– Шера! О, я уже сколько лет об этой малышке не вспоминал, – пробормотал Фахин, по-мальчишески заулыбавшись и радостно хлопнув в ладоши. Похоже, воспоминания о маленькой пони купец сохранил самые теплые. – Правда, ты, на мой взгляд, могла узнать о ней где-то на стороне, однако теперь я, пожалуй, верю: да, ты и вправду та, за кого себя выдаешь, – добавил он, и радость его разом сошла на нет. – Вот только не знаю, что все это может значить теперь. Про асценица, ведущего за собой войско, сеющее ужас повсюду, куда ни придет, я наслышан, и...

– Бояться нас незачем: мы никому дурного не делаем, – вмешался Ульдиссиан, мягко отодвинув в сторонку Серентию. – Никому, кроме прислужников зла – то есть, Церкви Трех или Собора.

– Вот оно как? Ну, насчет Церкви Трех, пожалуй, поверю: слухи о тайных их ритуалах недавно достигли высочайших столичных властей, но о Пророке, несмотря на Тораджу и прочее, призывающем к миру с вами, я слова худого сказать не могу.

– Призывать-то он призывает, а между тем вдалбливает в людские умы лживые помыслы, толкает народ к попыткам нас истребить. Правоты своей, мастер Фахин, я доказать сейчас не смогу, но надеюсь, что ты дашь мне шанс изложить свое дело... ради всеобщего блага.

Грузный купец обвел широким жестом окрестности.

– Сам видишь, все мы в твоей воле. *Что* мне еще остается, кроме как слушать?

Ульдиссиан наморщил лоб. Осенившую его идею он ни с кем не обсуждал, однако сейчас она казалась самой многообещающей.

– Мне вовсе не это от тебя нужно. Вот что, мастер Фахин. Выслушаешь ли ты меня, если я приду к тебе и правителям Кеджана один? Согласятся ли они на такой уговор? Я сам, в одиночку, – тут он взмахом руки оборвал протесты Серентии, – приду в Кеджан, а там во всем обещаю следовать твоим указаниям. Я и только я. Дадут они... дашь ты мне тогда шанс рассказать им правду?

Купец слегка подался назад, откинулся на спинку сиденья. Никакого лукавства в его взгляде Ульдиссиан не замечал, однако не забывал, что перед ним – человек, живущий и кормящийся торговлей.

– Твои... люди... им придется остаться в двух днях пути от ворот, – объявил Фахин. – Подойдут в таком множестве хоть самую малость поближе, и в городе будут ждать неминуемого нападения. А она, – указал он на Кирову дочь, – если угодно, с тобой может пойти. Это вполне приемлемо.

– В столицу пойду только я.

– Не отпущу я тебя туда одного! – выпалила Серентия. – Я тоже...

Но Ульдиссиан отрицательно покачал головой.

– Серри, ты нужна здесь, для пригляду за остальными. Никто другой тут не годится. С Мендельном им уж точно будет не по себе.

– Так возьми с собою его! Он с радостью согласится, сам знаешь!

Над этим Ульдиссиан тоже уже поразмыслил.

– Маги могут его сверх меры перепугаться. Нет, ни Мендельном, ни еще кем-либо я не рискну. Со мной и без вас все будет в порядке... если мастер Фахин так говорит, – добавил он, бросив пристальный взгляд на купца.

– Да, Ульдиссиан, если ты въедешь в Кеджан со мной, так и будет.

С этими словами Фахин поднялся. Двигался он, при столь изрядном весе, на удивление проворно.

– Позволь-ка мне известить своих, что мы возвращаемся домой. Да и капитана Азтула малость успокоить не помешает.

Ульдиссиан низко поклонился купцу в знак благодарности.

– Спасибо тебе. И прости за то, что мы прервали твоё путешествие.

– Ничего, ехал я больше по личным делам, чем по торговым. Или, по-твоему, я так беден, что у меня всего три повозки? Вот если бы двадцать или больше пришлось разворачивать – дело другое, а это пустяк...

Отмахнувшись от поданной руки, Фахин сошел на дорогу, но сразу же оглянулся назад.

– Ох... а что с моим бедным телохранителем?

Ульдиссиан развеял удерживавшие стражника узы. Ахнув, страж вмиг обмяк, опустился на пол и устался на Ульдиссиана так, будто у того на плечах не одна, а разом две головы. «Скорее всего, – подумалось Диомедову сыну, – с тем же изумлением... а еще, спасибо Инарию, с ненавистью... будет взирать на меня большинство кеджани».

Капитан Азтул оказался человеком весьма неуступчивым, но в конце концов склонился перед волею нанимателя. На Ульдиссиана тоже обрушился шквал протестов со стороны соратников: его решение отправиться в столицу одному никому не пришлось по душе, однако сын Диомеда, подобно купцу, пресек все несогласие на корню.

Сговорились на том, что Фахин поедет в Кеджан во главе колонны, а Ульдиссиан будет следовать рядом с его повозкой верхом. На время поездки обратно купец предпочел сесть на козлы рядом с возницей. Ему явно не хотелось, чтоб его люди заподозрили, будто он напуган, и Ульдиссиан оценил это по достоинству. Однако капитан Азтул неизменно держался поблизости, начеку, ежеминутно ожидая от асценция чего-либо, по его разумению, граничащего с угрозой.

Наконец мастер Фахин сообщил, что они примерно в двух днях пути от цели. Сарон и кое-кто из остальных нехотя подтвердили его правоту, хотя Ульдиссиан их о том совсем не просил. Познакомившись с торговцем совсем недавно, он успел проникнуться к этому человеку нешуточным уважением. Похоже, Диомедову сыну, наконец-то, улыбнулась удача: если Фахин представит его столичным властям, те вместо того, чтобы попросту отмахнуться, вправду могут к нему прислушаться.

– Совет кланов по природе своей капризен и непредсказуем, а значит, тебе стоит встретиться с принцем Эхмадом, – пояснял Ульдиссиану Фахин. – Юный принц стремится всячески укрепить свое положение, заручился поддержкой большинства торговых гильдий, и к сказанному им прислушиваются даже маги.

– А что там насчет вражды между кланами магов? Насколько она непримирима?

– Одно время, сынок, дня не проходило, чтобы на улицах не нашли мертвого тела в каком-нибудь жутком виде. Сейчас в городе тоже немало смертей, причины которых не постичь никому, кроме клановых магов: останки уж очень страшны. Да, поубавилось такого в последнее время, конечно, но только в смысле... представь себе уцелевших гиен из стаи, бьющейся за лакомый кусок. Приглядываются друг к дружке, ждут удобного случая вцепиться в горло врагу, а как дождутся – тут-то кровь снова и потечет.

Ульдиссиан призадумался. Может, на столь поглощенных распрями между собой заклинателей вовсе рассчитывать ни к чему?

– А если так, стоит ли надеяться на переговоры с советом?

– Если это необходимо для твоих устремлений, то да. Верно, каждый из членов совета с радостью вонзит нож в спину другого, однако обезопасить то, что ими создано, совет старается всеми силами. С принцем маги вынуждены считаться, так как его династия уходит корнями в прошлое куда дальше, чем их власть, но опасность для магии, на которую они едва ли не молятся – о, это даже самых непримиримых соперников заставит на время забыть о вражде.

– Но ведь Собору с Церковью они разрастись и ослабить свое влияние не помешали?

Фахин признал, что в этом Ульдиссиан прав, однако добавил:

– Обе секты вошли в силу с такой быстротой, что даже мне непонятно, как им это удалось. Вот потому маги опомниться и не успели, а когда поняли, что происходит, уже ничего предпринять не смогли. Однако на твой счет, – предостерег купец, высунувшись из повозки и едва не ткнув Ульдиссиана в грудь пальцем, – они подобной ошибки не допустят.

– Я их пока что в глаза не видал.

– Потому что так им угодно. Остерегайся их, Ульдиссиан, остерегайся, даже предлагая мир или союз. Твоя спина для них всегда будет открыта.

Советы мастера Фахина Ульдиссиан ценил весьма высоко, но тут подумал, что торговец его недооценивает. После схваток с демонами да верховными жрецами об угрозе со стороны магов он не забывал ни на минуту, и, таким образом, был к ней готов. Всерьез тревожил его только Инарий.

Перед расставанием Ульдиссиан, полагая необходимым унять тревоги соратников, обратился к эдиремам с прощальным напутствием. Сделал он это и ради спокойствия местных: ведь его приверженцы встали лагерем недалеко от двух небольших деревень, а земли, лежавшие впереди, были населены еще гуще. В течение последнего дня пути им не раз попадались навстречу другие повозки и пешие путники – одни в испуге стремились поскорей разминуться с ними, другие и вовсе, развернувшись к столице, пускались бежать. Фахин ободряюще беседовал с кем только мог, что было сил стараясь убедить тех, кому был знаком, будто все это вовсе не армия... пусть даже дела обстояли в точности наоборот.

Мендельн прощался с братом куда дольше всех прочих, а на прощанье шепнул:

– Сам понимаешь: если они почувствуют неладное, их даже Серентии будет не удержать. Каждый готов за тебя жизнь отдать... а многие уже *отдали*, и сам я в этом от других не отстану.

– А с Ратмой ты говорил? Что он сказал насчет всего этого?

Мендельн помрачнел.

– После последнего разговора об этом я с ним еще не встречался... и потому мне за тебя особенно беспокойно. Не стал бы Ратма без веских причин молчать да пропадать неведомо где.

– Но не могу же я сидеть сложа руки только потому, что он к нам носу не кажет, – ответил Ульдиссиан, доверявший Древнему куда меньше, чем брат. – Нам с тобой, Мендельн, останавливаться нельзя. Теперь это наша война, а его дни давно миновали.

В ответ Мендельн, молча кивнув, лишь крепко стиснул плечо старшего брата.

Вскоре караван Фахина с Ульдиссианом оставил эдиремов далеко позади. Сам по себе Ульдиссиан интересовал встречных гораздо меньше прежнего. Причина тому сделалась очевидна после того, как навстречу им попались две направлявшиеся прочь от столицы повозки, хозяином коих оказался купец, ни много ни мало, из Тулисама, довольно крупного городка близ его любимого и родного Серама. Представляться ему Ульдиссиан не стал: судя по кое-каким вскользь брошенным замечаниям владельца повозок, тучного, лысого человека по имени Ларий, на родине его по-прежнему считали душегубом, зверски лишившим жизни пару жрецов. Впрочем, несмотря на сие обстоятельство, встрече и разговору с, можно сказать, земляком сын Диомеда был искренне рад.

– Там, в городе, подобных тебе хватает, – заверил его Фахин. – Кеджан не таков, как большинство других мест в нижних землях, где тебе довелось побывать. В столицу рано ли, поздно, являются все, где б они ни родились – хоть приплывшие из-за моря. Возможно, ты там даже кого-нибудь знакомого встретишь...

Тут Ульдиссиан ненадолго задумался, представив себе столкновение с одним из братьев Серентии. Может статься, они, в отличие от сестры, не простили ему гибель отца. О Кире Ульдиссиан сам скорбел до сих пор, всем сердцем жалея, что обстоятельства – и воля Лилит – повлекли за собою все ужасы того дня.

По пути им встретился не один – целых два вооруженных патруля. Оба мастер Фахин немедленно подозвал к себе, объяснил стражникам, что эдиремы – всего-навсего возглавляемые Ульдиссианом странники, пилигримы, и, благодаря собственному влиянию, сумел, по крайней мере, до поры удержать капитанов от поездки навстречу эдиремам для выяснения, кто они таковы да откуда.

– Как только мы поговорим с принцем Эхмадом, – сказал купец после первой такой встречи, – он, я уверен, отправит к лагерю кого-нибудь из своих для поддержания порядка и предотвращения каких-либо недоразумений.

Местным постоялым дворам Фахин предпочел собственную повозку: мало ли, дескать, кто спал до него в этих комнатах и что оставил в постели? Ульдиссиана, не доверявшего постоялым дворам в силу иных резонов, такое решение устраивало вполне.

Ввязавшись в сие предприятие, купец отдался ему целиком. О ходе борьбы Ульдиссиана с Церковью Трех он был осведомлен превосходно, так как вел торговлю во всех крупных поселениях, не считая тех, что поменьше.

– Не стану врать, будто эта история с храмом меня никак не затронула, – поведал он Ульдиссиану. – Потому-то, кроме всего прочего, я и стараюсь устроить тебе разговор с городскими властями. Мне хочется одного – мира да преуспевания, как и всякому доброму человеку.

– И всякому доброму купцу?

В глазах Фахина блеснули искорки.

– Именно.

Ночь выдалась теплой, безветренной. Торговец пригласил Ульдиссиана расположиться в повозке, но сын Диомеда, не слишком уютно чувствующавший себя взаперти, вежливо отказался. Место для ночлега он выбрал поблизости от лошадей, рассудив, что собственный дар и их чутье наверняка вовремя предупредят его о чьем-либо приближении. Фахин отнесся к его выбору без одобрения, но Ульдиссиану, выросшему среди домашней скотины, возле лошадей казалось привычнее, как-то спокойнее.

Несмотря на это, сын Диомеда довольно долго не мог уснуть: очень уж он отвык засыпать, когда Мендельн, Серентия и прочие эдиремы так далеко. В последнее время он разлучался с

ними только в тех случаях, когда кто-нибудь вроде Лилит уволакивал его прочь. Вдобавок, и связь с остальными на таком расстоянии держать оказалось сложнее, но этому горю помочь было нечем.

Проходя мимо, капитан Азтул в который уж раз смерил его пристальным, недоверчивым взглядом.

– Лучше бы ты, аспениец, устроился ближе к повозкам.

– Мне и здесь вполне хорошо.

– Ну что ж, как угодно.

Снова сердито взглянув на него, капитан отошел.

Его нелюбезность Ульдиссиана ничуть не покорила. В столице он ожидал столкнуться с подобным не раз и не два, но это ничего – переживет как-нибудь.

Однако время шло, а заснуть все не удавалось. Раздосадованный, Ульдиссиан принялся вглядываться в кроны деревьев над головой, в надежде, что хоть это его, наконец, убаюкает. Со многих свисали плети лиан, другие щеголяли длинными змееподобными ветвями. Сын Диомеда уже убедился, что никакой хищник там, в листве, не затаился, а если б и затаился – велика ли беда?

Деревья здесь накрывали дорогу едва ли не сплошным пологом. Некоторые из ветвей склонялись к земле так низко, что касались верха повозок.

Мало-помалу на душе становилось спокойнее. Остальные спутники мастера Фахина улеглись, бодрствовали только стражники в карауле. Невдалеке, освещая бивак, неярко горели два костерка. Под шелест ветвей над повозками Ульдиссиан наконец-то закрыл глаза...

Но тут же в изумлении задумался, отчего это ветви шуршат, если в воздухе ни ветерка, и разом вскочил на ноги.

– Капитан!..

И тут ветви всех росших рядом деревьев стремительно потянулись книзу, хватая повозки, лошадей и людей. Один из стражей отчаянно завопил, отброшенный в темные заросли джунглей. Еще несколько веток швырнули лошадь на крышу повозки, оставшейся стоять на земле, да с такой силой, что доски не выдержали, просели внутрь.

Обрубив опутавшие его ветви, капитан Азтул выхватил из ближайшего костерка пылающий сук. Первую пару атак он отразил без труда, однако новые ветви тянулись к нему отовсюду.

Полоснув взглядом по деревьям, являвшим собою причину всех затруднений Азтула, Ульдиссиан пустил в дело свой дар и оборвал с них ветки. Обезоруженные, деревья дрогнули, замерли без движения. Обломки ветвей осыпали капитана градом, но это была уж досадная мелочь.

Подняв взгляд на ближайшую из повозок, служившую спальней Фахину, сын Диомеда стиснул кулак, словно бы ухватил оплетающие ее ветви, и с силой потянул их книзу.

Деревья задрожали, с очевидным трудом сопротивляясь ему. Посеявший в лагере хаос обладал колоссальной магической силой, но Ульдиссиан полагал, что Инарий тут ни при чем – не в его манерах что-то подобное. В этих чарах, помимо немалого мастерства, чувствовалась определенная неуклюжесть.

Однако, неуклюжий, или нет, удар угодил в цель без промаха. Враг явно следил за отрядом и выжидал, и при этом сумел остаться для него незамеченным.

Наконец повозка Фахина опустилась на землю. Ульдиссиан сдвинул брови, и ветви тут же, одна за другой, начали отпускать добычу, почернели, словно бы от огня, а после съежились так, что от них остались только коротенькие обрубки.

И все-таки, сколь много ветвей он ни уничтожил, осталось их гораздо, гораздо больше. Из темноты донесся отчаянный вопль еще одного из стражников. Последняя из трех повозок куда-то исчезла. Лошади, которых никто не успел поймать, в панике разбегались прочь.

– Берегись!

Выпрыгнувший невесть откуда, капитан Азтул сбил отвлекшегося Ульдиссиана с ног... И недалеко от обоих рухнула наземь исчезнувшая из виду повозка.

Спихнув с себя капитана, Ульдиссиан обнаружил, что под удар не попал бы, даже если б Азтул не бросился ему на выручку, однако за заботу ему был благодарен: повозка ведь *вправду* упала совсем рядом с целью.

– Ты должен помочь мне извлечь из повозки отца! – выдохнул Азтул. – Прошу, помоги!

– Отца? – Из всех повозок уцелела лишь та, где спал мастер Фахин. – То есть, ты...

– Я не его женою рожден, – поспешно объяснил капитан. – Но после ее смерти он взял меня к себе в дом и признал своим.

Иных уговоров ему не потребовалось. Ульдиссиан вместе с Азтулом бросился к повозке Фахина. Поврежденная дверь ее уже содрогалась под ударами изнутри. Едва она распахнулась настежь, в проеме показалось округлое брюхо купца.

– Отец! – вскричал капитан. – Будь осто...

Оборвавшийся на полуслове, предостерегающий крик Азтула сменился сдавленным хрипом. Ульдиссиан поспешил обернуться, но капитан, вцепившись в лиану, захлестнувшую его горло, исчез в гуще листвы.

– Азтул! – горестно вскрикнул Фахин.

Однако тут уж ничем не мог помочь даже Ульдиссиан. Потянулся он мыслью туда, где видел капитана в последний раз, но, хотя многие дюжины ветвей склонились книзу, покорные его воле, Азтула в их объятиях не оказалось.

Ульдиссиан ухватил купца за плечо.

– Его уже не спасешь! Прости!

– Это же... это...

Из глаз купца хлынули слезы, и больше он не сумел вымолвить ничего.

Уводя Фахина из-под ударов разбушевавшихся деревьев, Ульдиссиан наконец-то понял, что взялся за дело совсем не с того конца. Все это время он боролся с чарами, а должен был прежде всего искать заклинателя. Столько событий разом отвлекло, лишило возможности собраться с мыслями... ну ничего. Сейчас он это исправит.

Волоча за собою Фахина, Ульдиссиан ощупал мыслью окрестности. На первый взгляд, вокруг было безлюдно, однако к уловкам врагов, стремящимся спрятаться от него, сын Диомеда привык и принялся за поиски тех мест, где отсутствие незримого врага ощущалось *явственнее* всего.

Вот! Так спокойно да тихо – не иначе, именно там заклинатель и прячется. Ульдиссиан сосредоточил на найденном месте всю волю. Сейчас он развеет защиту противника, а после сотрет его в порошок...

– Ульдиссиан! Бере...

Что-то тяжелое ударило Диомедова сына в затылок. В голове вмиг помутилось. Не в силах поверить, что его одолели так просто, подкравшись сзади, Ульдиссиан, едва не споткнувшись, шагнул назад, мимо Фахина.

– Ах ты, мерзавец!

Перед глазами, будто в тумане, мелькнул купец, выхватывающий из-за пояса украшенный самоцветами, но вполне годный для дела кинжал. Опасаясь за друга, Ульдиссиан бросился к Фахину, но промахнулся, и Фахин скрылся из виду, исчез позади.

Попытавшись обернуться, Ульдиссиан обнаружил, что все движения его странно замедлены. Выходит, дело не только в ударе по затылку: вдобавок, на нем какие-то чары...

В отчаянии он попробовал сжечь чужую волшеббу. Мысли слегка прояснились. Сзади послышался шум борьбы.

Вдруг мастер Фахин страдальчески взвыл, а после за спиной хмыкнули, и рядом с Ульдиссианом рухнуло наземь грузное тело.

Могучие руки ухватили Диомедова сына за ворот. Ульдиссиан сощурился, готовясь нанести удар, но что-то прижатое к груди лишило его способности сосредоточиться. Все тело вмиг онемело.

Перед самым носом замаячило жуткого вида лицо. Голова врага казалась чрезмерно крохотной в сравнении с телом, однако взгляд его свидетельствовал о разуме, по крайней мере, не уступающем Ульдиссианову.

– Еще на шаг ближе, – злобно ослабившись, прорычал исполин так, точно его мясистые губы увечат, уродуют каждое слово. – Еще на шаг...

С этим он легонько хлопнул Ульдиссиана по лбу.

Глава пятая

Обрадованный победой, Зорун Цин едва ли не по-мальчишечьи заулыбался. С помощью этого заклинания, методически разрабатывавшегося многие месяцы ради совсем другой цели, маг рассчитывал учинить в лагере переполох и тем отвлечь внимание асченийца, но на такой успех не рассчитывал даже в самых смелых мечтах. Воистину, он много, много могущественнее, чем полагал!

Совершенные убийства Зоруна не волновали ни в коей мере. Да, он точно знал, кто там, в повозках, и понимал, что гибель их без последствий не обойдется, однако с ним убийства мастера Фахина не свяжет никто. Скорее уж, обвинение падет на голову Ульдиссиана уль-Диомеда, а он, Зорун, этому всячески поспособствует. В конце концов, о могуществе и буйном нраве асченийца в столичном граде уже наслышаны.

Вдобавок, при сих обстоятельствах пленение отступника будет выглядеть особенно впечатляюще... если маг вовсе удосужится сообщить о нем совету кланов. В голове его уже зарождались новые мысли – планы, сулящие немалую, немалую силу.

Могущество, перед коим покорно склонятся все маги до одного.

Насколько Зорун мог судить, живых свидетелей происшедшего в лагере не осталось. Все получилось, как и было задумано. За Ульдиссианом он втайне, вынужденный держаться поодаль, наблюдал несколько дней, и их случайная встреча с купцом оказалась для бородатого заклинателя как нельзя кстати. Асцениец по собственной воле расстался со своим стадом, а дальше события развернулись в точности так, как Зоруна и требовалось.

Однако на всякий случай, ради пущей уверенности, маг велел сопровождающим его стражникам:

– Ступайте-ка, проверьте, не осталось ли там живых, да поскорее.

Повиновались стражники неохотно: проделанное магом явно пришлось им не по душе. Полудюжина воинов поспешила к обломкам повозок. Глядя им вслед, Зорун снова невольно задумался о том, что сможет сделать, чего достичь, располагая мощью, предположительно присущей асченийцу. Вот только неувязку со стражами в таком случае придется исправить...

Кусты слева дрогнули, затрещали под натиском великана, несшего в сторону мага нелегкий груз. Крохотную головку Тербула Зорун узнал без труда.

– А-а, ты его взял! Великолепно, Терул!

Слуга, кряхтя, подтащил тело к хозяину. Наконец-то осмелившись сотворить свет, Зорун пригляделся к асченийцу поближе.

– Хм-м-м... на вид – ничего особенного. Обычный крестьянин, как о нем и говорят. Однако для нас – дороже золота, а, Терул?

Но великан смотрел мимо хозяина. Уродливое лицо его помрачнело, низкий лоб сморщился в очевидных раздумьях.

– Вернуться они могут не с добром, – внезапно объявил он.

Столь длинных, законченных фраз Зорун от него, пожалуй, еще не слышал. Прямое, без экивоков, замечание Тербула лишь подтверждало его недавние опасения. Приглядевшись к силуэтам стражников, ищущих среди обломков хоть одного живого, маг принял решение.

– Да. Интересно, смогу ли я возобновить заклинание...

С этим Зорун склонился к знаку, начертанному на мягкой земле. Часть линий оказалась стерта его подошвой, однако исправить это не составляло труда. Вот силы он уже поистратил изрядно, но отчего-то чувствовал: на еще один, последний удар их хватит.

Подняв над фигурой посох, Зорун Цин начертал в воздухе нужный символ. Заклинание он разработал так, чтоб в случае надобности обходиться без долгих напевов, ибо любой шум вполне может привлечь внимание жертвы – или, в данном случае, жертв.

Вязь рун вдоль древка посоха слегка замерцала. Мгновением позже засветились и руны, вписанные в фигуру.

Со стороны повозок донесся шорох листвы. Судя по темным силуэтам стражей, те ничего не заподозрили.

– Джата, – прошептал Зорун.

По его слову уцелевшие лианы и ветви снова, как прежде, склонились вниз, с убийственной точностью потянулись к шестерке солдат.

Первый из стражей не успел даже вскрикнуть. Лианы захлестнули, оплели его горло и рот, а ветви потащили наверх, в листву. Ближайший из товарищей стражника обернулся к нему...

Но тоже был схвачен ветвями. Этот сумел закричать, призывая на помощь, и криком предостерег остальных. Один из стражей метнулся к товарищу, однако тот уже исчез в пологе листьев.

Старший над полудюжиной махнул рукой в сторону Зоруна, и все четверо с вполне очевидными намерениями устремились к нему. Однако двое из них угодили в лапы ветвей, не успев сделать и шагу, а третьему посчастливилось разве что немногим больше. Стражники принялись рубить подлые ветви, но острота клинков не слишком им помогла.

Последним исчез старший, на прощание обругав Зоруна так, что даже маг покраснел до кончиков ушей. Затем лианы, обвившие его шею, натянулись так, что страж задохнулся насмерть.

Еще миг, и деревья увлекли трупы наверх, в гущу листвы. Брошенные поодаль от места засады, они быстро станут поживой лесных зверей, а уж те не оставят от стражей ни косточки. Естественно, их бесследное исчезновение Зорун тоже возложит на плечи Ульдиссиана, а доказать свою невиновность асценийцу, опять-таки, случая не представится.

Вполне удовлетворенный, маг опустил посох, стер подошвой начертанное и вдруг пошатнулся, охваченный слабостью. Подобное напряжение сил не прошло даром даже для него.

По счастью, державшийся рядом Терул успел его подхватить. С помощью великана маг взгромоздился в седло, а слуга его поднял с земли недвижимое тело Ульдиссиана уль-Диомеда.

Глотнув вина из небольшого меха, Зорун Цин кивнул. Ночное предприятие в самом деле прошло просто великолепно: жертву удалось изловить куда проще, чем он себе представлял. Подумав об этом, маг поклялся впредь не скромничать, сверх меры преуменьшая собственное величие.

Вдобавок, Зорун окончательно решил не сообщать об успехе совету магов. Этим он попросту объяснит, что Ульдиссиан ждал его появления, что асцениец, движимый безумием, истребил и купеческий караван и благородных стражей совета. Да, в глазах советников все это будет выглядеть поражением, каковое весьма и весьма их обрадует, однако Зорун-то знает, в чем правда, а остальное неважно. В конце концов, с чего бы вдруг отдавать столь ценную добычу тем, кто лишь перессорится из-за нее безо всякого толка? Уж лучше пусть Ульдиссиан уль-Диомед остается в руках человека, *знающего*, к чему применить его пресловутую силу.

– Едем, Терул, – велел Зорун, развернув коня и предоставив слуге, также прыгнувшему в седло, вести за собою, к столице, коня с навьюченным на него асценийцем.

Вернуться в Кеджан так, чтобы этого не заметил даже совет, труда не составит: он им, в конце концов, не кто-нибудь, а Зорун Цин.

– Кони солдат, – отрывисто пророкотал Терул.

– Хм-м-м, – протянул маг, вновь подивившись смекалке слуги.

Да, как ни удивительно, Терул снова оказался прав. От лишних коней следовало избавиться, иначе советники могут задаться вопросом: отчего, дескать, все шесть коней живы-здоровы, хотя всадники сгинули?

Разумеется, эта задача была куда проще всех прежних. Сунув руку в кошель, Зорун достал из него небольшую трубочку, поднес ее кончик к губам и дунул.

Конь впереди вздрогнул и замертво рухнул наземь. Столь же легко пали еще два. К тому времени, как на них кто-нибудь набредет, трупы под действием снадобья в крови истлеют почти целиком. Все будет выглядеть так, словно Ульдиссиан уль-Диомед заодно со всеми прочими безжалостно истребил и коней. Этаким штрих лишь придаст убедительности рассказу, уже сложенному Зоруном для глупцов из совета.

– Неплохо выйти должно, а, Терул? Как по-твоему, оценит совет магов спасение того, что возможно было спасти?

Терул согласно крякнул.

Усталый, однако крайне довольный собой, Зорун Цин прищипорил коня. Терул подхватил под уздцы коня, везшего Ульдиссиана, и, напоследок с ухмылкой взглянув в сторону неподвижного пленника, тронулся следом за магом.

* * *

Тем временем в неведомом месте, вполне настоящем, и в то же время несуществующем, над необъятной черной бездной взвихрились мириады огней наподобие звезд. Окажись здесь хоть кто-нибудь, способный увидеть те звезды, он мог бы узнать в каждой чешуйку, блестящую, словно зеркало.

В каждой из этих чешуек он мог бы увидеть мгновение собственной жизни – от рождения и далее, до зрелых лет, а может, и до самой кончины. В чудесных чешуйках отражалась жизнь всякого, когда-либо рожденного на Санктуарии.

Принадлежали же те чешуйки тому, кого некоторые – если б увидели их выстроившимися именно так – приняли бы за дракона, однако драконом он был отнюдь не простым.

Звали его Траг'Ул, а существовал он с тех самых пор, как беглые ангелы с демонами создали Санктуарий. Квинтэссенция созидания, украденная ими, дабы сотворить себе мир-убежище, заключала в себе и его существо. Рос сей мир – рос и он, и судьба его была связана с Санктуарием в той же мере, что и судьбы населявших Санктуарий людей.

Вот потому-то, а еще зная, чем грозят Санктуарию Преисподняя и Небеса, великий змей не без колебаний взял в ученики родного сына Инария, и после того, как Древний, звавшийся Линарианом, отказался от прежнего имени, нарек его Ратмой. Учился Ратма весьма охотно, и Траг'Ул поделился с ним знанием, недоступным даже ангелам с демонами. Ну, а во время учения, на протяжении многих столетий, оба они зорко следили, чтоб Санктуарий не склонился бесповоротно к той либо другой стороне того, что Траг'Ул называл Равновесием. По сути, Равновесие являло собой паритет, равенство соотношения мировых начал. Склонение к абсолютному злу повлекло б за собою страшные бедствия, поворот к полному отсутствию зла – застой и разложение. Всему этому оба безоговорочно предпочитали «золотую середину», сосуществование добра и зла в равных пропорциях, без явного преобладания одного над другим.

Но самое главное, поддержание Равновесия означало сокрытие существования этого мира от взора Небес. Владыки Преисподней о нем уже знали, однако демонов сдерживал не только Инарий, но и дракон, а вот если в схватку ввяжутся ангелы...

– *Ратма, у меня к тебе разговор*, – сказал Траг'Ул в темноту.

Под мириадами движущихся звезд вмиг появился некто, закутанный в плащ.

– Я здесь.

– *Нужно готовиться к немислимому*.

– Вот как? Я в том пока не уверен.

Нечасто, нечасто дракону за всю его долгую жизнь случалось оказаться захваченным врасплох...

– *И отчего же?*

Плащ Ратмы затрепетал вокруг его ног, словно являя собою продолжение мыслей Древнего.

– Если на Небесах прознали о Санктуарии, то почему не нахлынули туда всем скопом? Мешкать им, на мой взгляд, резона нет.

– *Присматриваются к Инарию и Преисподней, оценивают расстановку сил.*

– Разумно... однако не забывай об охотнике, об Ахилии. Он, как тебе известно, пытался покончить с Ульдиссианом.

– *Тем более вероятно, что он во власти твоего отца, а потому оптимизм твой мне непонятен.*

Звезды прыгнули в стороны и вновь образовали созвездие, напоминавшее длинное тело змееподобного существа из древних легенд.

– Отец здесь ни при чем. Теперь я знаю это наверняка. Знаю, где он и чем занят. И точно могу сказать: это не он.

– *Тогда мы с тобой возвращаемся к тому, что о Санктуарии известно и Небесам.*

Ратма приподнял брови.

– Или лишь одному из их августейших владык.

– *Лишь одному?*

Звезды вновь перестроились. Траг'Ул ненадолго умолк, взвешивая услышанное.

– *Лишь одному?* – повторил он. – *Но кто из них явится сюда втайне вместо того, чтоб немедленно сообщить об измене Инария Ангирскому Совету? Среди них таких не найти.*

– И все же один такой есть. Тот, кто был для отца ближе всех, точно родная кровь, хотя крови ни в ком из них нет ни капли. Да, Траг, я вполне могу считать его дядюшкой: в понимании ангелов, они с Инарием братья.

– *Быть не может... Тираэль?*

Оба утихли, словно бы ожидая, что ангел откликнется на зов, появится перед ними воочию. Когда же Ратма, наконец, нарушил молчание, голос его зазвучал едва слышно – по крайней мере, для человеческого уха.

– Да, Тираэль. По-моему, Ангел Справедливости явился сюда в одиночку, дабы единолично решить судьбу преступного брата... а заодно и всего Санктуария.

* * *

Ульдиссиан очнулся. По крайней мере, описать происшедшую с ним перемену лучше он не смог. На самом же деле он пребывал где-то на полпути между ясностью разума и бесчувствием. Туман в голове обескураживал, не позволял сосредоточиться.

Но, несмотря на помутнение мыслей, в одном Ульдиссиан был уверен твердо.

Несомненно, он угодил в лапы Инария.

Кто еще мог с такой легкостью поймать его в западню, сын Диомеда даже не представлял... и поэтому объявившийся перед ним человек показался Ульдиссиану страннее некуда. Лицом незнакомец был смугл, с ухоженной длинной бородой, но больше всего внимания привлекал его взгляд, легко, как ничто иное, пронзивший туман в Ульдиссиановой голове.

– Ты слышишь меня, Ульдиссиан уль-Диомед? Ты меня слышишь? Я держал тебя без сознания всю дорогу назад, а теперь ты должен прийти в чувство настолько, чтобы откликнуться.

Ульдиссиан и хотел бы ответить, однако язык словно отяжелел, и челюсть тоже не слушалась. Сумел он только кивнуть, и этого незнакомцу в долгополых одеждах оказалось довольно.

– Прекрасно! Знай же: в плен ты взят мною. Мною, великим Зоруном Цинном!

Казалось, он полагал, что Ульдиссиан должен знать его, и, убедившись в обратном, был несколько обескуражен.

– Все они пред тобою в страхе, – презрительно хмыкнув, продолжал Зорун Цин, – однако на деле изловить тебя оказалось проще простого. Порой мне даже думается, стоило ли затевать все это, стоило ли идти на обман и предательство...

Ульдиссиан вновь попытался сказать хоть слово и вновь ничего не добился.

– Будь покоен, друг мой, скоро ты заговоришь! Прежде, чем я решу, как быть дальше, мне нужно многое о тебе выяснить.

За спиной чародея возник некто огромной величины. Отчего-то этот звероподобный гигант заинтересовал Ульдиссиана куда сильнее, чем тот, кто взял его в плен.

Зорун оглянулся назад.

– Терул! Подай сюда тот черный ларчик с третьей полки. Живей!

Слуга Зоруна двинулся выполнять приказание, но прежде взглянул Ульдиссиану в глаза. Как ни хотелось пленнику заговорить, он знал: все старания окажутся тщетны.

– Терул показался тебе страшным на вид? – спросил маг, приняв оживление Ульдиссиана за испуг. – Поверь: в мире немало вещей куда более страшных. О нем ты, асцениец, не тревожься... тревожиться тебе надлежит в первую очередь на мой счет.

С этим он поднял только сейчас замеченный Ульдиссианом посох и что-то забормотал. Руны на посохе вспыхнули.

В ушах Ульдиссиана эхом отдался пронзительный вопль. Лишь спустя пару секунд сын Диомеда понял, что кричит он сам. Все тело внезапно охватила невыносимая боль, как будто с него дюйм за дюймом сдирают кожу.

– Это всего лишь ощущение, мнимость, – пояснил маг, – но вскоре она станет явью. Сия демонстрация предпринята, дабы подвигнуть тебя к откровенным ответам на любой мой вопрос. Понятно?

– Д-да!

Обретенный дар речи Ульдиссиана ничуть не обрадовал: все затмевала собою боль. Вдобавок, туман в голове не позволял сосредоточиться ни на чем, кроме Зоруна Цина. Сын Диомеда до сих пор не знал даже, где находится – разве что каменный пол под обутой в сандалию ногой чародея сумел разглядеть.

Зорун Цин взмахнул посохом, и боль унялась. Откуда-то слева явился тот самый великан, Терул, с тем самым ларчиком, что требовал его господин. Впрочем, ларчик слуга хозяину не отдал, а просто остановился, держа его перед Зоруном.

Бородатый маг поднял крышку ларца, откинув ее в сторону Ульдиссиана, с нетерпением отыскал внутри нечто крохотное и, стиснув вещьцу в ладони свободной руки, кивком велел Терулу закрыть ларчик.

– Убери на должное место, – велел он великану.

Терул удалился, а Зорун разжал кулак и показал лежащее на ладони Ульдиссиану.

Ульдиссиан ахнул бы от неожиданности, да только пленитель, похоже, снова лишил его дара речи. Что за штука в руке чародея, он знал – и, скорее всего, куда лучше, чем сам Зорун.

То был небольшой осколок точно такого же кристалла, из каких состоял Камень Мироздания.

Вправду ли он отколот от сей чудовищной реликвии, Ульдиссиан сказать не мог, знал лишь одно – подобные кристаллы ему больше нигде не встречались. Если перед ним вправду осколок Камня, украсть его из подземелий горы Арреат могла только Лилит, или кто-либо из Древних, или кто-то из демонов с ангелами. Возможно, он – часть одного из кристаллов, парящих в воздухе вокруг главного и постоянно бьющихся друг о дружку, а может, был украден еще при сотворении Камня Мироздания – как знать, как знать...

Да и какая разница? Главное – он здесь, в руках Зоруна Цина.

– Вижу, ты чувствуешь заключенную в нем мощь? Любопытно. Возможно, совет на твой счет не так уж и ошибается. Нравится тебе мой камешек? Достался он мне ценой дюжины

жизней, а в течение десяти лет, истекших до того, как я узнал о нем, очевидно, унес вдвое больше! И все – мастера магии либо их доверенные. Древен он невероятно, уж это-то мне известно... и при том крайне полезен для моих чар, в чем ты еще убедишься.

С этими словами маг опустил на корточки. Проводив его взглядом, Ульдиссиан впервые заметил край некой магической фигуры, вычерченной на полу мелом. Скорее всего, эта фигура и держала его в узде. Стоило Зоруну поместить малиново-алый кристалл поверх одного из вписанных в нее символов, от прикосновения кристалла символ вспыхнул и замерцал.

– Тебе лучше всего быть со мной как можно откровеннее, – посоветовал Зорун, поднявшись. – Этот камень усиливает воздействие любых моих чар... в том числе и причиняющих тебе боль.

Маг поднял посох. Руны на древке вновь засветились.

Ульдиссиан закричал. На сей раз ему показалось, будто его выворачивает наизнанку. Никаких внешних изменений он в себе не замечал, однако все старания одолеть боль пропали впустую.

Утихла боль столь же внезапно, сколь и началась. Пожалуй, Ульдиссиан уронил бы голову на грудь, но чары мага не позволили даже этого.

Кеджани хмыкнул.

– Все, что ты чувствуешь, асцениец, может произойти с тобою взаправду. Я в самом деле могу вывернуть тебя потрохами наружу. Мощь камня это вполне позволяет: сие проверено мною на опыте.

Маг помолчал, дожидаясь, пока суть сказанного не проникнет в затуманенный разум Ульдиссиана как можно глубже.

– Сказать откровенно, ничего сложного в этом...

И тут к нему подбежал Терул. Его вмешательству Зорун ничуть не обрадовался, однако слуга, по всей видимости, принес какие-то срочные вести.

– Эти, в балахонах, – проворчал великан. – Наверху...

Миг – и недоумение на лице мага сменилось пониманием.

– Члены совета? Это ты хочешь сказать?

Терул истово закивал крохотной головой.

Зорун огладил безукоризненно, волосок к волоску, уложенную бороду.

– Явиться сюда насчет стражников они не могли, так как рассказу об обстоятельствах их гибели поверили. Тебе они о причине визита хоть слово сказали?

В ответ Терул только пожал плечами.

– Бестолочь! Недоумок! Что ж, с этим нужно разобраться немедленно.

Досадливо фыркнув, Зорун взмахом руки отослал великана прочь. Однако перед уходом чародей вновь обратился к Ульдиссиану:

– Таким образом, у тебя, асцениец, есть время упорядочить в голове все сведения, какие ты мне изложишь. Советую приготовиться к моему возвращению как следует: уж тогда-то допрос начнется всерьез.

Отвернувшись, маг скрылся из виду. Оставшийся на месте Терул замер, глядя хозяину вслед... а после с ним произошла крайне странная перемена. Выражение лица его сделалось куда более *осмысленным*, в глазах вновь засияли искры знакомого Ульдиссиану разума – разума необычайной остроты.

Склонившись, Терул подхватил с пола багровый кристалл. Жуткого вида лицо слуги исказилось в алчной ухмылке. Вблизи Ульдиссиан сумел разглядеть в нем кое-что новое – пару весьма необычных ссадин, а может, ожогов, у левого уха, темных, с виду казавшихся совсем свежими.

– Мефисто мне улыбается, – пророкотал слуга, подняв взгляд на пленника.

Сделавшаяся куда более гладкой, речь его тоже совсем не вязалась с крохотной головой – приметой скудости ума.

Очевидно, невдалеке раздался какой-то шум, которого Ульдиссиан не услышал: Терул, сделав паузу, бросил взгляд вбок. Удостоверившись, что ничего дурного шум не предвещает, великан вновь повернулся к Ульдиссиану. Казалось, глаза его смотрят в самую душу пленника, и тут сын Диомеда окончательно убедился: этот Терул далеко не так прост, как полагает маг, Зорун Цин...

И, может статься, куда опаснее для Диомедова сына, чем сам чародей.

– Да, даже это тело, при всей его звериной мощи, выгорит слишком быстро, – посетовал Терул. – Я думал, оно продержится намного дольше, но, вероятно, тут как-то сказывается недо-развитый мозг. Любопытно было бы вникнуть в вопрос сей поглубже... но, разумеется, после.

О чем идет речь, Ульдиссиан знать не знал, однако такой поворот разговора ему ничуть не понравился. Попробовал он сосредоточиться на собственных силах, но символы на полу дурманили голову, не позволяя прибегнуть к дару. Чары врага оставляли ему лишь возможность слышать стоявшего перед ним, и не более.

– Бедный Дуррам, – продолжал Терул. – Он прослужил мне куда больше, чем я смел надеяться, однако я понимал: с какой быстротой сквозь джунгли ни мчись, догнать тебя не удастся. Думал перехватить невдалеке от столицы – знал ведь, что Кеджан ты стороной не обойдешь, но в спешке только сжег тело жреца раньше времени.

Весьма и весьма рассудительный тон Терула внушал нешуточную тревогу – тем более, что лицо великана искажалось сильнее и сильнее. На миг в его искаженных чертах мелькнуло нечто знакомое... но под воздействием чар, затуманивших голову, проблески воспоминаний тут же угасли.

Должно быть, тревогу во взгляде Ульдиссиана великан уловил, но истолковал ее неверно.

– Неминуемого возвращения этого дурня не бойся. Грехов за ним вскроется куда больше, чем он думает... а все – благодаря самомнению, подхлестнутому мной, усилившим все его чары, – склонив голову набок, признался Терул. – И, дабы ты не подумал, будто я все это время только болтаю попусту, обрати внимание: начертанное у твоих ног мало-помалу меняется согласно моим намерениям.

Едва великан произнес это, Ульдиссиан почувствовал токи могучих сил, захлестнувших его, сковавших волю куда надежнее прежнего, затуманивших разум настолько, что ввалились сейчас сюда целое войско, он бы этого и не заметил.

Казалось, во всем мире для него больше нет ничего, кроме Терула, кроме этого устрашающего слуги... говорящего с Ульдиссианом так, точно знакомы они далеко не первый день.

И Ульдиссиан в давнем знакомстве с ним отчего-то не сомневался. Вновь принялся он бороться с чарами меловых символов на полу, призвав на помощь всю силу мускулов, всю силу дара и разума – только б добиться чего-нибудь, хоть *какой-нибудь* малости.

Терул приподнял кустистую бровь. В темных глазах великана блеснули искорки зависти.

– Какая мощь... да, должен признать, выбрав тебя, эта сука не просчиталась.

Его слова усилили тревогу Ульдиссиана во сто крат против прежнего. Сомнений быть не могло: речь идет о Лилит... однако откуда Терул знает о демонессе?

Напрягши память, сын Диомеда сумел припомнить, что говорил великан чуть раньше о жреце по имени Дуррам, о том, что добрался сюда, воспользовавшись... его телом. Выходит, на самом деле перед ним вовсе не Терул и даже не живое существо! Выходит, великан одержим неким злокозненным *духом*!

Нет, не одержим. Одержимость подразумевает, что слуга остается там, в собственном теле, а эта тварь, по всему судя, поглотила дух Терула целиком. Целиком, не оставив от великана никакого, совершенно никакого следа.

И вот теперь злонамеренный призрак вознамерился сделать то же самое с ним, с Диомедовым сыном...

В этот миг глаза великана расширились, заблестели от радости.

– А-а, вот все и готово! – протянул он, одарив Ульдиссиана жуткой ухмылкой. – С этим-то камешком, да с исправленным начертанием мне волноваться не о чем. Твое тело не выгорит, как эти два. Я вновь обрету целостность! И в твоём теле создам новый великий культ, иерархом коего, Примасом, стану сам! За это Мефисто щедро меня наградит. Быть может, сделает повелителем всего рода людского!

Его тон снова напомнил Ульдиссиану кого-то знакомого. Вспомнить бы только, кого...

– К тому же, в твоём теле будет намного уютнее, чем в шкуре кого-нибудь, вроде... ну, скажем, мастера Итона из Парты.

Пленник невольно разинул рот. Теперь-то вся страшная правда стала предельно ясна.

Видя, что, наконец, узнал, Терул захохотал.

– Да, Ульдиссиан уль-Диомед, я так хотел, чтоб ты узнал меня, чтоб понял, кто тебя поглотит!

Будь у него такая возможность, Ульдиссиан замотал бы головой в ужасе и недоверии. На его взгляд, страшнее, чудовищнее, да и то ненамного, могло бы оказаться разве что воскрешение Лилит или ее брата.

В Терула вселился дух верховного жреца ордена Мефиса... дух Малика.

Глава шестая

Нахлынувшая тревога поразила Серентию с внезапностью удара молнии. Сомнений быть не могло: затея Ульдиссиана пошла вкривь да вкось.

Однако его замысел пришелся ей не по нраву с самого же начала, и это заставило призадуматься. Никакого права отменять его приказы на основании каких-то там подозрений она не имела. В конце концов, предчувствия – еще не...

Но все же она была эдиремкой, и подобное чувство тревоги вполне могло предвещать настоящую, не воображаемую беду.

Ну, ничего. Кто-кто, а уж Мендельн с его-то пытливым, острым умом сумеет вникнуть в ее тревоги и по достоинству их оценить.

Подумав так, Серентия отправилась на поиски Ульдиссианова брата. Отыскался он, как всегда, в самом дальнем уголке лагеря, беседующий с троицей эдиремов – партанцем, а также с мужчиной и женщиной из нижних земель – о каком-то Равновесии и о том, что смерть есть всего-навсего шаг на новый уровень бытия. С одной стороны, мысль, будто отец и мать по-прежнему существуют на свете, и, может статься, даже наблюдают за ней, Серентии, определенно, пришлась по душе. Неведомым силам, призванным Мендельном, дабы вернуть ей Ахилия, пусть не совсем таким, как хотелось бы, она тоже была весьма и весьма благодарна.

Вот только кое-какие другие стороны избранного им пути – особенно углубление в вопросы, касающиеся могил да трупов – тревожили ее непрестанно. Вдобавок, мимоходом брошенное Мендельном замечание, будто он даже в одиночестве не остается один... Насколько Серентия сумела понять, это значило, что к нему тянутся призраки недавно умерших, и сие обстоятельство вовсе не казалось ей привлекательным.

Не успела Серентия окликнуть его, как Мендельн поднял на нее взгляд и торжественно, без тени улыбки распрощался со столь же серьезными учениками. Троица эдиремов в молчании обогнула Серентию, и тут дочери Кира бросилось в глаза, что все они, подобно Ульдиссианову брату, одеты в черное.

– Ко мне приходят с вопросами, – пояснил Мендельн, – а я по возможности стараюсь ответить... но ты, надо думать, пришла не за тем же?

– Ульдиссиан...

Младший из братьев вмиг помрачнел.

– Ульдиссиан в плену, – перебил он ее.

Кирова дочь вздрогнула от неожиданности.

– Значит, ты тоже неладное чувствуешь? Откуда тебе это известно? Что с ним произошло?

– Спокойствие. Вот что я знаю наверняка. Их караван угодил в засаду. Подлые чары врагов погубили всех, кроме него. Именно он заклинателю и требовался.

Новости оказались еще ужаснее, чем она думала.

– Когда ты успел все это узнать? – повторила Серентия. – Я опасность почуяла только недавно!

– Мастер Фахин сообщил, – пожав плечами, объяснил Мендельн.

В который уж раз младший из братьев вселил в ее душу леденящий кровь страх...

– Мастер... и мастер Фахин – тоже?

– Все... все до одного, кроме Ульдиссиана.

– А он? Он в плену у клановых магов?

Мендельн, не торопясь, поднялся, расправил плечи, а это означало, что собственная осведомленность его вовсе не радует.

– По крайней мере, у одного из них. Среди погибших нашлись те, кто якобы служил нападшему на караван чародею.

Это доставило Серентии некоторое, пусть невеликое, удовольствие.

– Значит, не все негодяи ушли от возмездия.

– Их тоже сгубил пленивший Ульдисиана.

– Но это же... вздор какой-то!

– К несчастью, вовсе не вздор, – покачивая головой, возразил Мендельн, – потому-то я как раз и собирался, отпустив тех троих, разыскать тебя.

Серентия задумалась. Тут следовало что-то предпринимать, и чем скорее, тем лучше.

– Куда увезли Ульдисиана, ты знаешь?

– Сейчас он в столице. У мага немалой силы, зовущего себя Зоруном Цинном. Это все, что мне удалось выяснить. Большого духи не знали, так как немедленно направились ко мне.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему их постоянно влечет к тебе? – охваченная нарастающим раздражением, уточнила Серентия.

– Так уж вышло, – ответил Мендельн, снова пожав плечами.

Настаивать на подробностях Серентия не стала. Пустяки это все, самое важное – выручить Ульдисиана... если еще не поздно.

– Так, говоришь, он в столице?

– Да. Скорее всего, в логове этого Зоруна Цина, но где оно – этого даже тени стражников не знают.

Чего-то подобного Серентия и ожидала. Вдобавок, она понимала: пойти да потребовать от кланов магов возвращения предводителя – идея не слишком хорошая. После подобного требования Ульдисиан наверняка (в этом купеческая дочь отчего-то нисколько не сомневалась) «исчезнет» еще куда-нибудь, и отыскать его будет еще сложнее.

– Мне одно ясно: в столицу нужно идти, – решила Серентия.

– Да, но позволь напомнить: если мы с тобой отправимся в путь, остальные, несомненно, двинутся следом, – сказал Мендельн, махнув рукой в сторону лагеря. – Подозреваю, некоторые, вроде Сарона, уже чувствуют ту же тревогу, что и ты.

– Вот и славно! Расскажем им обо всем, что ты мне рассказал, а после все вместе двинемся на Кеджан. И пусть кланы магов, или кто еще там при власти, его отыщут, не то мы им... Ульдисиан всего-навсего хотел поговорить, а они вон как с ним обошлись!

– Серентия, такую толпу непременно сочтут угрозой столице. Решат, будто мы замыслим напасть.

Однако Серентию это ничуть не смутило.

– Можем и напасть, если не вернут его целым и невредимым! Что тут, по-твоему, дурного? Разве ты ради него не пойдешь и на это?

Ульдисианов брат испустил шумный вздох.

– Пойду, но жалею, что выбор у нас небогат. Сделаем, как ты предлагаешь.

– Прекрасно! – воскликнула Серентия, отворачиваясь от него. – В таком случае давай, не теряя времени, известим обо всем остальных.

С этим она предоставила Мендельну поспешать вдогонку и устремила к лагерю, во весь голос зовя к себе Сарона с Йонасом. Проводив ее взглядом, Ульдисианов брат покачал головой и неохотно двинулся следом.

– Не кончится это добром, – пробормотал он себе под нос, – ох, не кончится...

* * *

Да, то был *Малик*. . . тот самый Малик, с ужасающей жестокостью выпотрошивший, освежавший правителя Парты и его юного сына, чтоб вместе с подручным-морлу, нарядившись в их кожу, одурачить Ульдиссиана. Тот самый Малик, служитель ордена Мефиса – на самом же деле, демона Мефисто. Тот самый Малик, правая рука Люциона, устрашающего повелителя Церкви Трех.

Конечно, от справедливого возмездия верховный жрец не ушел: по неведению атаковав Лилит в облике Лилии, он погиб той же смертью, что и Итон с сыном, однако вернулся к жизни в виде бесплотного духа, заключенного в раздобытый Мендельном обломок собственной кости. Костью той Мендельн воспользовался, дабы помочь Ульдиссиану в схватке с Лилит, единственным существом, ненавистным Малику более Ульдиссиана. Во исполнение его приказа дух провел старшего из Диомедовых сыновей сквозь все западни главного храма, но. . .

Но затем, на пороге очередного коридора, призрак Малика велел Ульдиссиану бросить обломок кости вперед. Рассудив, что так нужно для дела, Ульдиссиан послушался. Спустя миг после броска, обломок кости поразил в лоб одного из жрецов, а звали того жреца Дуррамом.

Обстоятельства (и Лилит) не предоставили Ульдиссиану возможности подобрать кость, а после он счел, что и обломок, и жуткий дух Малика погребены под руинами храма навеки. . . и только теперь обнаружил, сколь жестоко в этом ошибся.

Из-за этой ошибки его самого ожидало небытие, а его тело и дар – служение человеку, являвшему собою сущее зло.

– К тому времени, как этот дурень, Зорун, умудрится вернуться, от нас. . . вернее, *меня* даже след простынет. Организовать лазейки в этой истории, и без того сплошь шитой белыми нитками, было проще простого. Я направлял его помыслы в нужную сторону с той самой минуты, как завладел телом этого великана, и раздул его тщеславие до непомерной величины. С чего бы еще он всерьез вообразил, будто пленил тебя без труда, благодаря собственным жалким силекам! Нет, это ему удалось только потому, что всю работу за него проделал я, столь хорошо знающий тебя, мой старый дружище! Я, знавший все щели в твоей броне и, разумеется, ими воспользовавшийся!

Лицо Терула засияло от удовольствия.

– И все прошло так гладко, что я сам был поражен!

Ульдиссиан слушал. Что еще ему оставалось? Слух был единственным его оружием. Малик утверждал, будто времени у него предостаточно, и чем внимательнее казался невольный слушатель, тем многословнее, велеречивее становился верховный жрец, подобно Зоруну Цину, очень и очень гордый собой.

Да, в этом и состояла основная опасность обладания столь изрядным могуществом. Ульдиссиан сам уже не раз пал жертвой собственного самомнения, о чем живо напоминала хотя бы та же – возможно, роковая – поездка в столицу с мастером Фахином. Опять, опять Ульдиссиан счел себя непогрешимым и непобедимым! *Он*, дескать, все всесторонне обдумал, каждую мелочь учел. . . Каким же нахальством, до смешного нелепым нахальством казалась ему теперь мысль, будто он может запросто явиться в стольный град восточной половины мира да потребовать разговора с ее правителями, не боясь ни коварства, ни неблагоприятных последствий!

– Да, уж я-то распоряжусь твоим телом гораздо, гораздо лучше.

Крепко сжимая кристалл в кулаке, Терул – то есть, *Малик* – шагнул к Ульдиссиану. Ухмылка великана приняла особо, сверх всякой меры зловещий вид.

– Ну что ж, не желаешь ли, сын мой, в чем-либо исповедаться, прежде чем навек кануть в небытие?

Как ни старался Ульдисиан избавиться от тумана в голове, все напрасно. Похоже, его время вышло. Изменения, внесенные Маликом в заклинание мага, власти чар над ним до сих пор ничуть не ослабили. Да, надежда на то была, в лучшем случае, призрачной, однако иных надежд у Ульдисиана попросту *не имелось*.

– Не желаешь? Прекрасно. Тогда начнем.

Коснувшись осколком кристалла Ульдисиановой груди, верховный жрец затянул негромкий напев...

И в тот же миг все тело Ульдисиана исполнилось теплоты, заструившейся из камешка внутрь. Поначалу он решил, что таково действие чар жреца, но вот туман в голове, все это время мешавший сосредоточиться, начал редеть, силы вернулись, окрепли...

Однако сии изменения не прошли незамеченными. Малик озадаченно поднял брови.

– Что...

Продолжить дух не успел. Совсем как в тот раз, в джунглях, с Мендельном, Ульдисиан целиком отдался на волю простейших чувств. На что-либо иное времени не было.

Из груди его – из того самого места, где камешек коснулся тела, вырвалась струя буйного оранжевого пламени.

Великан отчаянно взвыл. Испепеляющее пламя мигом сожгло его кожу, и жилы, и мускулы, и потроха. До жути уродливое, лицо его приобрело еще более жуткий вид: смертоносные силы лишили Малика губ и век, вскипевшие глаза лопнули, испарились, нижняя челюсть безжизненно пала на грудь.

Мучитель Ульдисиана мешком рухнул на спину.

В тот же миг чары, удерживавшие Диомедова сына в плену, наконец-то рассеялись. К несчастью, при этом Ульдисиан, изнуренный, измученный не только долгой борьбой, но и пытками Зоруна Цина, упал на каменный пол. Защититься он был не готов, а посему падение стоило ему изрядных ушибов и, что самое главное, потери сознания.

В чувство его привели чьи-то голоса... а может, всего один голос, снова и снова эхом отдающийся в голове. Перевернувшись на бок, Ульдисиан оказался нос к носу с выворачивающим наизнанку желудок зрелищем – обгорелым трупом. Почерневшие пальцы руки мертвеца дрогнули, скрючились, и на миг Диомедову сыну показалось, будто Малик сумел уцелеть, однако тело тут же вновь замерло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.